

ТАИНСТВЕННЫЙ ДВОЙНИК

ЮРИЙ
ТОРУБАРОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Юрий Дмитриевич Торубаров
Таинственный двойник
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=439015
Таинственный двойник: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7662-8

Аннотация

Середина XIII века. Большая часть Руси несет на себе тяжкое бремя данника Золотой Орды. Ханские баскаки бесчинствуют в городах и селах. За малейшее неповиновение людей угоняли в рабство и продавали на невольничьих рынках. Вот так и попал в далекую Османскую Порту молодой русич Андрей, сначала как раб, потом стал воином-инородцем Сандом. Через много лет, пройдя сквозь сотни сражений, не раз посмотрев смерти в лицо, Андрей-Санд встретил товарища по несчастью, молодого графа Раймунда Тулузского...

О дальнейших приключениях двух отважных воинов читайте в новом приключенческом романе Юрия Торубарова «Таинственный двойник»!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	50
Глава 12	58
Глава 13	61
Глава 14	64
Глава 15	66
Глава 16	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий Торубаров

Таинственный двойник

© Торубаров Ю. Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Глава 1

Знойно. Солнце так нагрело небо, что выжгло его волшебную синеву, и оно стало молочно-пепельным. Даже у самого светила поблекла яркость, до такой степени оно накалилось, а резко выделявшийся диск незаметно слился с окружающей пеленой. Кругом тишина. Поникли травы, свернулись листочки деревьев, не слышно извечного певца русских лугов и полей жаворонка. Не точит свою саблю кузнецик. Все живое попряталось в спасительную тень. И только берег реки наполнен звонкими, счастливыми голосами детворы, которые спасаются от жары в прохладных водах Ирпени.

И вдруг эту радостную благодать резанул чей-то крик:

– Боярышня тонет!

Почти все ребяташки, как стайка испуганных воробьев, вспорхнув, бросились в село, громко крича о случившемся.

В это мгновение с высокого берега в воду метнулось мальчишечье худенькое, загорелое тело. Он увидел на глубине девочку, делающую слабые движения, пытаясь подняться на поверхность воды. Ее длинные волосы, словно водоросли, вытянулись по течению. Он схватил их, намотав на кулак, и быстро заработал руками и ногами. Когда они вынырнули, девочка, сделав несколько быстрых судорожных вдохов, обвила шею спасителя тонкими ручонками и сжала их с такой силой, что ему стало трудно дышать. Постоянно отводя их для своего вдоха, он уже подумал, что не доплывет до берега, как больно ударился коленкой о что-то твердое. Это была земля. Ура! Они спасены! На берегу она все еще продолжала сжимать его шею.

– Да отпусти ты! – воскликнул он, с силой отрывая ее руки.

Оставшись без поддержки, девушка медленно начала оседать, и спаситель еле успел ее подхватить.

Девочка вдруг стала дрожать, точно от холода. Они присели на землю. Мальчик, обняв ее за плечи, прижал к себе.

– Ничего, – успокаивал он ее, – это бывает, сейчас пройдет!

И тут вдруг на него кто-то налетел. Схватив за плечи, рванул вверх.

– Это ты чуть не утопил мою дочь! – завопил бородатый мужик.

Он так встряхнул мальчика, что у того чуть не оторвалась голова.

– Ты что, отец, – придя в себя, крикнула боярышня, – он спас меня!

– Да, да! – заорала детвора. – Андрюшка спас ее!

– Спас? – мужик с недоверием посмотрел на него.

– Спас, спас! – вновь хором заорали ребята.

– Ну, коли так, молодец! – Он погладил его по голове.

Тут подбежала и ее мать.

– Жива! Слава те, Господи! – она, перекрестясь, подхватила дочку на руки.

– Жива наша малышка, наше солнышко, – нежно произнес отец.

Это был сам Годион Вышата, знатный боярин, воевода, темно-русый, плечистый бородач с суровым и властным лицом. Однако эта суровость растаяла, когда дело коснулось спасенной жизни его любимой и единственной дочери.

Род Вышат стал знаменит еще с того времени, когда Владимир Ярославич пошел походом на греков. Испугались те, и давай просить богов избавить их от непрощенных гостей. И мольбы дошли до неба. Страшная буря разметала русские корабли. Многие вои были выброшены на берег. Но дружина без предводителя – толпа. А в толпе сколько голов, столько и мнений. Покажись враги, кто закричит: «Вперед!», а кто: «Спасайся, братцы!» Гибель ждет

этих людей. Спасшиеся в своих ладьях бояре не хотели идти на сушу. Знали, что их там ожидало много опасностей. Один Вышата сказал:

– Если останусь жив, то уйду с ними. Если погибну, то с дружиной.

Когда жизнь сменила князя Владимира на Святослава, который пошел вопреки общему мнению воевать немцев, опять это Вышата с Пороєм не оставили молодого князя. Бит был Карломан, сын и наследник Людовика немецкого. Помог мудрый отец. Он вступил в тайную связь с племянником Святослава, Святополком. Подкупил его, и тот выдал Святослава. Правда, он оговорил, чтобы знаменитого воеводу не трогали. Но не таким оказался Вышата. Он разделил участь своего князя, не бросил его в беде. Не спасал свою шкуру. Таким же был и брат его Ян, который верой и правдой служил Руси.

За это были даны им земли, где возникла боярская вотчина. Знатные хоромы возвели они на высоком холме. Крепкую ограду поставили. И потянулись смерды под защиту этих стен и славу этого боярского рода. Постепенно образовалось огромное село. Помимо честности и доблести этот род отличался и хозяйственной сметливостью. Они разрешали селиться тем, кто дружен был с сохой, находчив в охоте и смел в бою.

Осел здесь и Пантелеймон Бунков после Батыева нашествия на Киев. Бежал он с жинкой далеко на запад. Да не прижился. Домой потянуло. А село их дочиста сожгли. Воробы и те не селились. Вот и остановился он здесь с жинкой и сыном-найденышем. Долго думали, как назвать найденыша. На слуху у всех был Андрей Сеча, знаменитый козельский воевода. И сколько сынов стали носить это имя! Не устоял перед ним и Пантелеймон. В чести у него были такие люди, которые за землю русскую да за народ стояли насмерть. Еще тогда, когда распеленал младенца, увидел, что могуч телом найденыш. Таким он и рос. Был на голову выше сверстников. Уже тогда обладал силенкой, хоть и жилист был. Заметно было в нем чувство справедливости. Любой пацан в его лице мог видеть своего защитника. Постоять за себя, подраться, он тоже мог. Стали побаиваться его и старшие ребята. Чего греха таить, приходил и он с синяками. Но с жалобами – никогда.

Андрюха к обеду вернулся как обычно. Изба их была рублена на западный манер вежой, не в землю зарыта, а вся – над ней. Толстые бревна хранили и тепло, и спасали от жары. Жили небогато. Все в избе было творением рук хозяина: дубовый стол с резными ножками, кровати, сундуки. В хозяйстве имелись коровенка, лошаденка, овцы да куры. Хотя могли жить и лучше. Богатство им, с находкой сына, досталось немалое. Да берегли – вдруг родня объявится. Утолив аппетит, отец, тщательно выскребывая из чашки остатки каши, молвил:

– Что это за шум идет по селу? Вроде дочка боярская чуть не утопла.

– Слышала и я, – подхватила мать.

– Говорят, – вновь заговорил отец, – какой-то пацаненок спас.

– Да, наградит его боярин, ой наградит. Дочка-то у него одна, – мать завистливо вздохнула.

– Прижимист наш боярин, деньгой не кидается. Ну, слава те, – он привстал, – Бог дал обед, Бог даст и ужин, – он перекрестился на образа и полез из-за стола, шумно отодвигая тяжелую скамью. Андрей промолчал, ничего не стал говорить родителям: «Еще отругают, мог с ней и утонуть. Мало ли случаев...»

А под вечер у них случилось целое событие. К ним пожаловал сам боярин на вороном коне. Не лошадь, а загляденье. Ноги тонкие, шерсть так и горит, шея дугой, гривой играет. На месте стоять не может, грызет удила. Узда не простая, а с яркими блестящими камнями. Сам боярин одет в легкую белоснежную рубаху, в шароварах. Сапоги зеленые с загнутыми носами. Двое слуг открыли ворота, и боярин въехал во двор.

Для пса что боярин, что бродячий цыган – все одно: чужие. Злобно бросился пес на нежданного гостя. Слуги чем больше старались его отогнать, тем яростнее он нападал. На крыльцо выскочил хозяин и замер:

– Господи, да что это такое! Глазам не верю. Мать, – орет, – мать! Иди сюды.

Та вскочила и... бах на колени.

– Помилуй, господин, в чем мы перед тобой виноваты?

– Пса убери, – молвил боярин, поднимаясь в стременах.

– А... да, – хозяин бросился на собаку.

Та, поджав хвост, убежала в конуру.

– Ну, – подбоченясь, боярин свысока посмотрел на хозяина, в глазах так и плясала радость, – скажи, как ты по имени зовут?

– Меня? – удивился тот вопросу боярина, косясь по сторонам: может, кто рядом стоит.

– Тебя.

Хорошее у боярина настроение.

– Пантелей... моном, – добавил он, поразмыслив.

– Встречай, Пантелеймон, гостей, – весело сказал боярин, вытаскивая ногу из стремени.

– Милости просим, – враз воскликнули они, кланяясь и открывая перед ним двери.

Рослый боярин. В дверях надо голову склонить. Вошел. Оглянулся. Чисто. Убрано. Подошел к столу. Поднял скамью. Тяжеловата, но стругано чисто. Сбита хорошо. На века. Домовито.

– Сам мастерил иль кто? – обратился он к хозяину.

– Сам, боярин, сам.

– Молодец, люблю мастеровых людей, – поставил скамью и сел.

В это время за окном опять лай: подъехала на дрогах боярыня.

– Не утерпела. Ха! Ха! – засмеялся боярин.

Хозяйка пошла ее встречать.

– Где твой Андрейка? – между тем спросил Вышата.

– Да где пацану быть. Где-то на улице.

– Хороший у тебя сын, – боярин погладил бороду, – смелый. Хороший воин будет. Люблю таких.

Вошла боярыня. Не видел Пантелеймон до этого боярыню. Да и в красоте женской не очень-то разбирался. Что баба? Все одинаковые. А тут глянул и... обомлел мужик. Одни глазищи чего стоят! А губы! До сих пор не потеряли ни яркости, ни выразительности. А одета! Точно княгиня. На голове колпак, отороченный горностаем. Белоснежное покрывало с золотыми цветами. Башмаки золотые. А походка! Точно плывет. Растерялся Пантелей, да жена под бок толкнула, на гостей глазами показала.

– А, – спохватился тот.

Поставил боярыне скамью рядом с мужем.

– Прости, владычица, – сказал он и спросил: – Не отведаешь ли квасу иль медку?

– А, – боярин игриво повернулся к боярыне и сказал: – давай медку.

Медок был прохладен, но заборист. Глаза у Вышаты заблестели.

– Хорошее питье, – похвалил боярин, подставляя кубок. – Кстати, – сказал он и поочередно посмотрел то на хозяина, то на хозяйку, – люди вы немолодые, возраст почтенный, а как... дитя сумели...? Ха! Ха!

– Да мы, – хозяйка глянула на мужа.

Тот ей кивнул, мол, не возражаю, если расскажешь.

– Нет, уж лучше ты.

Тот вздохнул.

– Боярин, скажу тебе правду. Не наше это дите...

И он все рассказал. И даже показал дорогие пеленки, в которых его нашли. Боярин с супругой долго их рассматривали, но так ничего и не сказали.

В это время опять шум за окном. Хозяйка выглянула и обомлела.

– Господи! Что это? – воскликнула она.

Посмотрел и хозяин. А во дворе и конь, и корова, и овцы, и козы. Поросята визжат, гуси гогочут. Из мешков холопы кур вытрясают.

– Что это, боярин? – поворачиваются к нему хозяева.

– Это еще не все, – он, поднимаясь, бросил на стол кисет с деньгой, – это моя благодарность за мою Настеньку. Нет ничего дороже у меня на свете.

По дороге домой боярин вспомнил о событии, о котором услышал еще в Киеве, и рассказал жене удивительную историю сына козельского воеводы, женившегося на княжне, а потом таинственно исчезнувшего с только что родившимся сыном.

– Я знаю, что его искали князь Михаил Всеволодович да князь Даниил Романович. Последний сделал его даже своим воеводой... кажется, в... Холмске. Он странно пропал, возвращаясь от чешского воеводы, где они разбили Батыя. А жена исчезла, по-моему, она жила... а, да, у магистра.

– У магистра?

– Да...

– Странно.

– Да, все странно.

– Так ты думаешь...? – она не договорила.

Но он понял, что она хотела сказать.

– Все может быть!

Проводив гостей, хозяева до глубокой ночи занимались размещением животных и птиц. Но вначале по-хозяйски все осмотрели.

– Судя по рогам, корова молода, двумя телятами. А конь, – заглянул ему в пасть, – по зубам – тоже молод. Хомутовый, сказал мне холоп, – объяснил Пантелеймон жене.

Андрей незаметно, чтобы избежать расспросов, проскользнул в избу. Попив молока, улегся на своем одре и моментально заснул. Родители, вернувшись после размещения подаренной скотины, будить его не стали.

На следующий день боярин с семьей срочно отбыл в Киев. Чего испугался, шут его знает. Может быть, боялись, что своенравная Настенька в такую жару опять захочет на речку или чего другого, но они уехали. Боярин появился только поздно осенью. Приехал, видать, на полюдь.

Утром Андрей, встретившись с родителями за столом, просто не узнал их. Лица светились у них таким нескрываемым счастьем, что он не знал, как себя вести. Выручил тятка.

– Ну, сынок, придал ты нам вчера работенки! Че ты не сказал, што дочку боярскую спас?

Сын безразличным голосом ответил:

– Да кто ее знал, что она боярская. Нырнул да за волоса и на берег. Подумаешь...

Родители рассмеялись.

– Каши еще хочешь? – спросила мать, беря черпак.

Он только кивнул.

– Давай, давай и мне, – весело сказал отец, подвигая свою миску. – Щас пойду к старосте, пусть сенокосу дает. Косить будем, поэтому силенка нужна.

– А это зачем, мы уж откосились, – спросил Андрей, стараясь ложкой попопней зацепить каши.

– Ты че, не знаешь? – спросил отец. – Боярин нам пригнал целый двор скотины.

– Да ну! – искренне удивился сынок, поглядывая на дверь.

На улице его уже ждали сверстники, и ему было не до боярской скотины.

От старосты Пантелеймон вернулся весь сияющий.

– Ну, жинка, – вытирая пот со лба, сказал он, усаживаясь за стол. – Староста-то... как поменялся. В избу завел. Дочка, хорошая девчурка... между прочим, одних годков с Андреем...

– Брось, дуралей старый, – жена махнула рукой, – старосте боярского сына подавай, мошна-то у него не твоя.

– А что, у нас, думаешь, мало?

– Дык это Андрюше сберечь надобно. Ладноть, сказывай: дал травы?

Пантелеймон заерзал на лавке, а сам весь цветет. Видя, что лицо жены начинает краснеть, выпалил:

– Дал, дал. И знаешь где?

Жена пожимает плечами.

– В княжеском логу! – торжественно произнес он.

Лог находился близко от села; травы там всегда вырастали по пояс. На следующее утро с первыми петухами отправились на покос. Андрей шел, спотыкаясь на каждом шагу. Глаза так и слипались. Еще бы! Домой пришел за полночь. Дед Шестак, подпив медку, рассказывал о своих боевых походах в княжеской дружине. И вот они с косами в руках стоят на делянке. Пантюша выбирает место, откуда удобнее начать косить. Сделав несколько шагов, он останавливается:

– Ну, с богом! – он перекрестился и сделал первый прокос.

И засвистели косы, куда только делся сон.

Косил Пантелеймон неторопливо, со стороны казалось, легко. Он чуть приседал, когда пускал косу на резку травы. Медленно переступал ногами. Но шел и шел... Отдыхал, когда начинался новый заход.

А земля пробуждалась к новому дню. С реки потянуло туманом. Воздух наполнялся птичьим пением. Скошенная трава, как бы укоряя косарей, издавала живительный запах. Перепела, испуганно трепеща, все чаще выскакивали из-под кос, оставляя обнаженными свои гнезда. Но смотреть их было некогда. Поднимется солнце, высохнет трава, косить станет трудно. Вот и торопился Пантюша сделать дел поболее. И когда вместо легкого «жих, жих» появился железный звон «дзых, дзых», Пантелеймон, докосив прогон до конца, выдохнул:

– Все! Жинка, стол накрывай, – сказал, сам пошел к реке.

За ним увязался и Андрей.

– Не устал? – хитровато посматривая на него, спросил отец, скидывая портки.

– Неа, – ответил Андрей, первым бросаясь в холодные, освежающие струи реки.

С реки они шли бодрые, усталость словно смыло. Подойдя к лужайке, где жена разложила с обедом, Пантелеймон, глядя на обилие еды – куски жареного мяса, пареную репу, сыр, старое желтое сало, кисель в бадейке, – потер руки:

– А-а? – и вопросительно посмотрел на жену.

– Нету, – ответила она, пряча глаза.

– Нуу! – недовольно протянул он, усаживаясь в стороне от супруги.

– Да так уж и быть, – успокоила она его и пошла в кусты, откуда принесла кувшин.

Пантюша ожил.

– Где у тебя...

Она поняла, что он спрашивает кубок.

– Да перед тобой! Что... не видишь?

Пантелеймон взял его и налил медку.

– Ну... – он перекрестился, – с началом!

Выпив, вытер ладонью усы.

– А теперь, – налил в кубок немного медку, – выпей, Андрюша, за твое начало. Молодец, добрым косарем будешь!

Андрюша выпил.

– Держи! – отец подал ему на закуску хороший кусок мяса.

Полюдьё полюдьём, но была у боярина Вышаты одна страсть. Любил он смотреть кулачные бои. Но чтобы были они ярче, зажигательней, свирепее, всегда устанавливал награду победителю. Как правило, это был конь с полным комплектом сбруи: седло с потником и чепраком, с подпругами, троком, стремянами и уздечкой, нагрудник с пахвой. Да золотые гривны в придачу.

Поглядеть или поучаствовать народ прибывал со всей округи. Не чурались зрелища и бояре. Многие даже принимали участие. Им важна была слава. Сила была в цене. Бой начинался двумя группами. С одной стороны – бояре да дружинники, с другой – простой люд: смерды да рабы. Если выигрывал раб, получал свободу. Было за что драться. Бои проходили на площади перед боярскими хоромами. Боярин заставил ее выровнить, засыпать все бугорки. Местный еврей Хелал, державший корчму, в этот день зарабатывал столько, что ему можно было полгода не работать вообще. Хелалова бражка давала себя знать. Народ подогревался, ярость удваивалась. Для боярина и его гостей сооружали высокий помост. Видимость была отличная.

До убийства не доходило, но крови проливалось много. Количество участников с обеих сторон должно было быть равным. Мужики бились крепко. Но более тренированные дружинники да бояре чаще одерживали победу. А победителем считался тот, кто заставлял соперников бежать с поля боя. В честь победителя выкатывалась бочка браги и выставлялся на вертеле зажаренный бык.

Но самым интересным, самым захватывающим зрелищем была битва двух богатырей. Их выделяли с каждой стороны. Победитель обязан был обратиться к толпе и узнать: не хочет ли кто-нибудь оспорить его победу? Если находился смельчак, бой продолжался до победы. Потом целый год только и говорили о победителе. До очередного боя. Как бы дразня бойцов, двое слуг держали на виду под уздцы горячего сидельного коня. У многих горел глаз на такой дар. Да что делать, если колени дрожали.

Андрея, по мере его роста, все сильнее захватывали такие бои. После взрослых, когда пустела площадь, появлялись ватаги ребят, которые устраивали свои побоища. Как правило, побеждал тот, у кого был крепкий вожак. Постепенно образовались две группы: нижняя – в основном дети смердов, и верхняя, чьи родители были в услужении боярина.

Победа, как правило, доставалась верхней группе, пока не появился Андрей. И как-то незаметно он стал вожаком нижней группы. Однажды, когда нижние побежали, он остался один... Домой еле приплелся. Мать была в ужасе. Все лицо превратилось в сплошной синяк. Но и ругать было жалко. Она не знала мальчишек, которые бы не участвовали в таких драках. Вернувшийся с поля отец, увидев разукрашенного сына, только сказал:

– Ничего, до свадьбы заживет. А вот даже этому делу поучиться надобно. Слышал я, в Подлипке живет один аланец, большой мастак. Выздоровливай, сынок, бери барана и к нему.

Выздоровления ждать не стал. На ночь, как научила мать, обвязал лицо тряпкой, смоченной мочой, а утром, взвалив барана на плечи, отправился в село. Было оно верст за двадцать.

Аланец оказался на месте. Звали его Кука. Увидев разукрашенную физиономию паренька, все понял. Обошел его кругом.

– Чэво дэржишь...

Андрей снял с плеч барана и поставил его на землю, придерживая за длинную шерсть.
– Ганы, – и он показал головой на сарай.

Когда Андрей вернулся, аланец неожиданно его ударил. Андрей качнулся, но остался стоять на ногах. Аланец цокнул языком.

– Хорош баэц будэшь!

Так началась его школа. Кроме кулачного боя он научил его метать ножи, топоры, стрелять из лука. За отдельного барана показал приемы владения мечом и саблей.

– Всо тэбэ прэгодытся, – подытожил он.

И дружески ударил его по плечу. Это означало конец учебе.

...В этом году боярин приехал среди лета. Один. Хмурый. Но кто у хозяина спросит, что с ним случилось? Видя, что печаль гложет Вышату, староста решил его развеселить: втайне подготовить ребячий бой. Даже награду установил от себя. До коня он не дотягивал, а бараном пожертвовать мог. Тихонько собрали помост. Притащили боярское кресло. Когда все было готово, староста пошел к Вышате. Тот сидел в одрине и слушал, как птица пела свои песни.

Староста, загадочно улыбаясь, предложил боярину пойти на площадь.

– Че там у тебя – грубо спросил тот.

– Дык, хочу спросить, может нам... тово... еще...

– Ладно, пошли, – сказал боярин, набрасывая на плечи легкое корзно.

Еще подходя к воротам, он услышал какой-то шум и вопросительно посмотрел на старосту. Тот только загадочно улыбнулся, опуская голову. Ворота распахнулись, и Вышата увидел массу народа и две стоявших друг против друга группы молодых парней. Впервые за несколько дней улыбка осветила его лицо.

Толпа громко приветствовала появление боярина. Боярин помахал им руками. Важно воссев в кресло, он махнул головой. Битва началась. Все понимали, что присутствие боярина обострит борьбу. Каждому захочется отличиться. Так и вышло. Битва захватила его. Она шла с переменным успехом. Верхние хотели доказать свою силу, нижние в желании не отставали. И все же нижние стали побеждать. Отличался Андрей. Боярин невольно залюбовался этим бойцом. После последнего раза, когда он видел этого парня, тот сильно подрос, раздался в плечах. Ему не было равных. «Хороший может быть дружинник», – подумал боярин. Когда он побеждал, девчонки ревели от счастья. А если он, тряхнув своими черно-русыми кудрями, глянет карими, с искринкой, глазами, пропадает совсем девка.

Вот он схватился с каким-то детиной. А, это сын сокольничего. Они долго ходят друг перед другом. Вдруг сын сокольничего бьет. Андрей уворачивается, а в ответ наносит такой удар, что тот отлетает на несколько шагов, валится на землю и долго не может подняться. После этого от одного вида Андрея верхние бойцы просто разбежались.

Боярин позвал старосту и что-то сказал ему на ухо. Тот засеменил к воротам и вскоре возвратился и подал ему кисет с деньгой. Боярин поманил к себе Андрея.

– Молодец! Держи, – и подал кисет.

Андрей поблагодарил и отошел к своим. Вышата любовался парнем. «Эх, мне бы такого сына», – вздохнул он. Было чем любоваться. Высок, плечист. Талия, как у юной девы. Сила так и исходит от него. И почему-то Вышате на ум пришло воспоминание. Это когда Андрей спас Настеньку, и они сидели на берегу в обнимку. «Эх, был бы он боярином!» Этот бой будто снял тяжесть с его души. Через двое суток он умчался в Киев, чтобы опять появиться глубокой осенью.

Глава 2

Князь Даниил Романович возвращался от Батыя с двойственным чувством. А виной его появления в ставке хана был Ростислав Михайлович, сын черниговского князя, который спал и видел подчинить себе Галицкое княжество. Убедив венгерского короля и польских князей в якобы полной его, Даниила, неспособности отстоять свои земли, он уговорил их дать ему войско. Те послушались, дали, и Ростислав вторгся в Галицкое княжество и осадил Ярославль. Даниил был взбешен. Когда Русь изнывает от татарского насилия, этот Ольгович, вместо того чтобы крепить союз русских князей, затевает междоусобные войны. Ему пришлось быстро собрать дружину, выступить с братом Васильком против Ростислава. Они разбили Ольговича. Вспоминая этот момент, он не удержался от улыбки. Как переменчивы порой судьбы! И как иногда мелкое событие влияет на большие, если не великие, дела. То сражение с Ростиславом на реке Сане могло кончиться для него и трагически.

Не рассчитав сил, идя на помощь брату, он повел атаку на дружину Ростиславову и... оказался у него в плену. Воин, который сторожил князя, узнал в нем человека, который когда-то не пожалел денег для спасения его жены, и помог ему бежать.

Даниилу вновь пришлось собрать дружину. На этот раз объединенными усилиями они одолели Ростислава. Эта победа укрепила положение галицкого князя. Но это напугало татар. Батый прислал посла с грозным словом: «Дай Галич!»

Собрал он свою дружину думу думать. Многие выразили желание сразиться с татарами. Да не послушал он их совета. Города после нашествия Батыя не были еще отстроены, да и сил для открытой борьбы не хватало. И порешил князь:

– Не отдам пол-отчизны моей, лучше поеду сам к Батыю.

На память пришло, как впервые увидел татар в Переяславле, в стольном городе прадеда своего Мономаха. Напугался он тогда, что должен будет исполнить их варварские обряды: ходить около куста, кланяться солнцу, луне, земле, дьяволу, умершим и попавшим в ад ханским предкам.

Но, к счастью, Батый не потребовал от него исполнения суеверных обрядов. Когда он при входе в вежу поклонился по их обычаю, Батый встретил его со словами:

– Данило! Зачем так долго не приходил? Хорошо, что теперь пришел. Пьешь ли черное молоко, кобылий кумыс?

Рассмеялся князь, вспомнив, как ему ответил:

– До сих пор не пил, но если велишь, буду!

– Ты уже наш, татарин, – рассмеялся Батый.

Выпил он кумыса, ничего, с кислинкой, на сыворотку похож. Хорошо летом, в жару, холодного попить.

Потом пошел к ханше поклониться. Понравилось все это Батыю. Вечером прислал ему вина и велел сказать: «Не привык пить молоко, пей вино». Чувствовал он, что принимают его с честью, но... зла честь татарская. Прожил он там аж двадцать пять дней, но добился своего: хан оставил за ним все его земли.

Узнать удалось и другое: не все хорошо в Золотой Орде. Побаливал хан. Но особенно боялся он Октая, наследника Чингисхана.

– И у них тоже... – усмехнулся Даниил.

Гордился он тем, что не пожалел времени и со своим дворецким, пустив обоз двигаться обычным путем, налегке заскочили поклониться великой козельской земле. Где-то здесь сложил голову знаменитый воевода. Колышется трава, уже не степная. Не пахнет полынью, чабрецом. Здесь другой запах. Аромат от пестрого многоцветья. Щебет непуганых птиц.

А впереди... чернота. Торчат, как забытая стража, закопченные трубы среди головешек. Казалось бы, все замерло на века. Да нет! Раздается чей-то голос:

– Чево тебе надобно, служивый?

Глянул: старуха сгорбленная. Спрыгнул Даниил с коня, подошел и упал перед ней на колени.

– Дозволь, матушка, поклониться тебе, а в твоём лице всему козельскому народу, который, не пожалев живота своего, дал достойный отпор поганым.

И он трижды склонил перед ней голову.

– Вставай, – сказала она, – вижу, ты доблестный воин, коль не побоялся прийти на эту землю. А она живет, не вымерла. Пойдем, – и она повела его за руку.

Она подвела его к церкви. Сразу видно, рубленая наспех, но с куполочком, над которым стоит крест.

Зашел внутрь. Пахнет свежерубленным лесом. На стене икона Пресвятой Богородицы. Пока одна, зато с лампадой. Помолится князь, отвел душу.

– А где батюшка? – спросил он у старухи.

– Уехал, – отвечает она печальным голосом, – будет через месяц.

– Людей-то тут много? – продолжает допрос князь.

– Вертаются, – как-то неопределенно ответила она.

– А где они?

– Дак, кто за дровами, кто на охоте.

Они вышли наружу.

– Не вижу жилья, – проговорил князь.

– Да вон оно, – старуха махнула рукой.

Князь пригляделся. И впрямь: из земли одни трубы торчат.

– Боится народ избы высокие ставить, – тяжело вздохнул Даниил. – Ну, мать, впитала в меня эта земля еще большую любовь к русской земле. Вынослива она. И мы вынесем. Будет здесь град. Век люди ему будут поклоняться. Прощевай, матушка. На, – он протянул кисет, туго набитый деньгой, – раздашь людям. Ну, мать, будь здрава, а я возьму горсть земли на память.

Он отрезал от рубахи кусок полотна и бережно завернул землю.

– Кстати, матушка, а ты не знаешь, где был дом воеводы?

– Как не знать. Епифановна я, – не без гордости сообщила она.

Князь догадался, что она была в услужении. Они подошли к месту, где почти не было головешек. Это показалось странным.

– А где... дом-то?

– А... да Андрей велел его разобрать. Стены крепили.

Князь склонил голову и довольно долго стоял в таком положении.

– Большой был человек ваш воевода. Вечная ему память.

– Большой, – подтвердила Епифановна.

– Прощевай, матушка. Дозволь поцеловать тебя.

Он трижды ее поцеловал и дал знак, чтобы подвели коня.

– Поганных гони, мил человек! – крикнула она, крестя его вслед.

– Да, гнать поганных... – он вздохнул.

– Ой, – ударила она себе по ногам, когда всадник был уже далеко, – да что ж это я, дура старая, не спросила его, кто он будет.

А Даниил, прежде чем из его глаз навсегда скрылось это пепелище, остановил коня и окинул взглядом поле, по которому двигались татарские полчища, и тот холм, на котором возвышались остатки города. И не печаль была в его глазах, а радость. Нет, не падет Русь, коль вгрызается человек в эту, казалось, мертвую землю.

– Будем жить!
И он стегнул коня.

Глава 3

Вгрызаться вновь в свою землю – этим жила вся погорелая Русь. И Киев не был в стороне. Одним из первых, кто восстановил, а вернее, отстроил заново свои хоромы, был и боярин Вышата. Двухэтажный домище, скрытый за высокой оградой, отливал позолотой свежести тщательно подобранных и обструганных сосновых бревен. Окна, венчанные золотистыми карнизами, придавали дому нарядность, а высокое боярское крыльцо с точеными фигурными подставками – солидный вид. В глубине ухоженного двора возвышались хозяйственные постройки, тоже отстроенные заново. Все говорило о вкусе и туге кармане хозяина.

А о внутреннем убранстве и говорить нечего. Печи украшены греческими изразцами. На стенах – дорогие восточные ковры, головы и шкуры убитых зверей. Мебель отличалась не только красотой, но и добротностью. А какие были канделябры! Литые, изображающие различные фигурки. Одним словом, все радовало глаз.

Обойдя свои владения, боярин решил пригласить гостей. Пусть видят Вышатову силу. Гости же должны быть непростые, именитые: Глеб Ростиславович, князь смоленский; Ярослав Романович, князь Пронский; князь Даниил Романович; сыны Михаила черниговского – Юрий, Симеон, Роман; князь Петр Брянский с немецкой супругой-красавицей, полоцкий князь Брючислав. А сколько бояр! В их числе и такие, как Борис Кочева с сыном Елисеем, Федор Брынка и другие. Владыка Холмский Иван. Митрополит Кирилл. Не ошибся боярин, все гости приняли приглашение, несмотря на смутное время.

Всех их гнало за такие версты не хоромы Вышатовы смотреть, ни хлеб-соль откусывать, а вело их желание увидеть князя Даниила. Послушать его, как он был принят самим Батыем. Знали все на Руси, что злее зла честь татарская. А все же... Надеялись, что почтит своим присутствием Мономахович.

В то утро, когда съезжались гости, весь Киев стоял вдоль дорог. Еще бы! Пропустить такую картинку не каждый мог. Она напоминала чем-то ту жизнь, которую город вел до нашествия Батыя. Тогда часто разные гости наведывались в стольный град. Пацаны, как грачи перед отлетом, облепили по дорогам все деревья. Они-то первыми и поднимали крик:

– Едут! Едут! Князь едет!

Это они догадывались по всаднику, ехавшему впереди всех с хоругвью в руках. За ним десятка два вооруженных всадников. Кольчуги сияют, шлемы горят. А вот и воз. Кто же в нем едет? Да это ж боярин Борис Кочева. Рядом гарцует его сын на тонконогом коне. Народ любит всадником: мужики – конем, бабы – сыном. Пригож боярич. Лицо открытое, с неокрепшей юношеской бородкой, щеки горят алым цветом. Глаза смотрят с вызовом. Облачен в богатый запашной кафтан с косым воротом темно-синего цвета. Ворот, рукава и подол наведены золотом. Одежда князю не уступит. А пояс – весь золотом горит. А что ему! У отца несколько солеварен, деньга так и сыплет, как снег на воскресенье. И не худ телом. Плечист, крутая грудь – все говорит о могучей силе. Недаром молва идет, что это лучший кулачный боец. Бабы зашептались: «На смотрины едет!» Знают, что у хозяина дочь-красавица на выданье.

– Чем не жених, – вторят другие, – пригож, богат. Быть скорой свадьбе!

Не успел проехать со своим обозом боярин, как показался новый отряд. На этот раз сторожа не ошиблись: «Князь! Князь!» Да не тот. Все ждали Даниила, а это всего лишь его братец Василько. Знать, дела не отпустили, братана послал. Построй его отряда тот же, что у боярина. Только кони одномастные: игреневые, не то что у боярина. Сам же князь на вороном. Не шагает он под ним, а плясом идет. Одет князь просто: в сером дорожном

кафтани без всякой позолоты. На голове – шелом вязаный. По толпе побежало: «Василько! Василько! А где Данило? Данило?» А за ним дворский Андрей, воевода Дмитрий, сотник Микула.

– Дмитрий! Дмитрий! – опять бежит по толпе.

Для многих это священное имя – это он боролся с Батыем, защищая город.

– Жив! Жив!

– Слава князю! – понеслось над городом.

– Слава воеводе! – вторила толпа.

А они ехали и кланялись на обе стороны.

Каждого приезжего встречали люди Вышаты. Их сразу можно отличить: с ног до головы все в красном. Они знают, куда надо направить гостей. Не все же имеют в стольном граде свои хоромы. Боярин не поскупился, лучшие дома откупил на время. А завтра с утра гости жалуют на боярский двор.

От ворот до хором выстроились две цепи боярских холопов. Сам боярин на красном крыльце. Спускается только к таким гостям, как Романович, да еще к Петру Брянскому. Слава о нем, как о герое в битве с немецкими рыцарями, неслась впереди него. Последним прибыл Василько Романович. Боярин побежал к нему навстречу.

Все гости прибыли. Начался обход хором. Много слышится завидных восклицаний. Все они тешат душу боярскую, посмеивается он в свою бороду. И вот гости дошли до светлицы. Тут они уже ничего не видят: ни изразцовую печь, ни заморских канделябров, ни восточных цветных ковров. Все их взоры направлены на столы. Ломятся они от щедрости боярской. Чего только на них нет! Вина заморские в витых бутылках, невиданные фрукты в огромных чашах. Нашего питья – залейся. И брага крепкая в бочонках, медок душистый в кувшинах, да квасы разные. А какого мяса тут только нет: темные медвежьи куски вперемешку с хреном, телятина, да кабан целиком зажаренный. Рыбы разной – горы. Чего одни осетры стоят! А уж о дичи и говорить нечего. А пироги какие: и с осердием, и с капустой, маком... Appetit у всех разыгрался бешеный. И тут хозяин широким жестом приглашает гостей за стол. Каждый знает свое место. Но путаницы не избежали, помогли слуги Вышатовы.

Епископ прочитал короткую молитву, и... пошла потеха. Выпив по два-три кубка, гости зашумели. Всем захотелось услышать Василька. Любимый братец все знает о поездке Даниила. Чей-то шепот: «Князь Василько» тотчас был подхвачен: «Князь Василько! Князь Василько!» Князь поднялся, понимая этот клич. Признаться, он ждал его. Все враз смолкли.

– Что сказать вам, други вы верные!

Он глазами пробежался по залу. Все, не скрывая интереса, с жадностью ждали его сообщения. Он понимал, что их волновало.

Интересно поведал он о поездке своего брата. Главное, что все уяснили: с честью он был принят! С честью! Значит, есть на Руси князья, которых уважает сам Батый. Значит, чувствуют за ними ум и силу. Многих это обрадовало. Как-никак, а для Руси честь. Но кое-кто и опечалился: «Того и гляди покорить захочет».

Кстати сказать, не у одних гостей эта поездка к Батыю вызвала глубокое почтение к Даниилу. Когда об этом узнал венгерский король, враз предложил руку своей дочери для его сына Льва. Так Даниил породнился с королевским домом.

Двое суток, почти без отдыха, шло это гульбище. На разы обмусолили хозяина, братались с Васильком, спали на столах и под ними. На третий день, чтобы как-то встряхнуть опухших от пьянки гостей, боярин предложил посмотреть... кулачный бой. Эта новинка только входила в обычай на Руси, поэтому все изъявили желание на него взглянуть. Захмелевшие гости вышли из дома.

Площадь была забита народом. Пришлось применить силу, чтобы очистить место для гостей и создать пространство для предстоящей схватки. С одной стороны боярин выставил своих людей, пополнив их из богатырского окружения гостей. С другой – были киевляне, которые сорганизовались сами. Вопреки ожиданию гостей, горожане подобрались крепкие, жилистые. Они заставили медленно, шаг за шагом отступать боярскую рать. Это брало гостей за живое. Кое-кто попробовал было поучаствовать, но с разбитыми носами, сбив спесь, еле уносил ноги.

Долго терпел и молодой Кочева, видя, как позорно отступают его люди. Он который раз готов был вскочить на ноги, да грозный отцовский взгляд приковывал его к месту. Нервничал и Вышата. Неудобно перед гостями. Нахмурилась и Настенька.

А виной тому был один горожанин. Здоровый, как бык, детина. Бил только в грудь. Зато удар был таким, что валил десяток бойцов. И где он стал появляться, там начинали от него шарахаться боярские посланцы. Не утерпел Вышата, воскликнул:

– Кто его уложит, сто гривен плачу!

Такая деньга и для князя находка. Вызвался Симеон Михайлович. Плечи – косая сажень. Глаза так и горят схваткой.

Вышел он посреде поля. Стал супротив бойца. Все замерло: примет ли горожанин бой? Уж больно здоров князь. Долго рассматривают друг друга. Но... принял вызов киевлянин. Двинул на него. Не доходя десяток шагов, остановился. Рукава стал засучивать. Это делает и князь. Смотрят друг на друга, глаз не отрывая. Вот боец делает пару шагов навстречу. Князь – тоже. Заходили друг перед другом. Плечами подергивают, в кулаки поплевывают. И опять навстречу пошли. В шаге друг от друга остановились. Первым не выдерживает князь. Кипит молодая кровь! Бьет того в плечо. Пошатнулся боец, но устоял. Теперь черед бойца. Да что-то медлит. Боится? И вдруг резкий свистящий удар. Отлетел князь на несколько шагов, но на ногах устоял.

И опять ходят друг против друга. Изловчился князь, удар крепкий получился. Отлетает и боец, только чубом мотнул да губы поплотнее сжал. Гости возрадовались: если князь постарается, выкладывай, хозяин, деньгу. Да рано радовались. Чуть согнулся боец, тряхнул головой и пошел на князя. Тот встретил его ударом, да отбил его левой рукой боец и вдарил в открытую грудь князя. Отлетел Симеон и... свалился на землю. Застыли гости, ликуют горожане.

Отступил на шаг Вышата:

– Кто же честь спасет?

Все отворачиваются. И вдруг вскакивает молодой боярин.

– Дозволь, хозяин, мне попробовать.

Не успел отец одернуть его. А когда тот брякнул, поздно было осаживать. Кивает боярин, мол, иди. Глухой недобрый шепот за его спиной: «Не жалеет молодую душу, лишь бы честь молодого боярича поддержать».

И поддержал! Зря – увидав его перед собой, снисходительно заулыбался боец. Недолго приглядывался боярич. От удара бойца ловко увернулся, а в ответ так съездил в ухо, что у того помутилось в глазах. Тут-то он его и добил. Прямым, в грудь. Рухнул боец, отлетев к толпе, свалившись к ее ногам. Видать, на князя силы свои потратил. Возликовали гости, а пуще всех хозяин. Да и дочка таким взглядом встретила победителя, что тот враз превратился в побежденного.

– Елисей! Елисей! – скандировала толпа, провожая победителя.

Откуда только узнали его имя, досель неизвестное на Руси. А отцы их были очень довольны. Правильно подметили киевские бабы: быть, видать, свадьбе.

На слуху всего города стало греметь имя боярича. С нескрываемой завистью смотрели гости на вернувшегося к ним Елисея. И его было не узнать. Взгляд стал надменный, на лице — печать гордыни. Но... все прощается победителю. Слава слепит не только победителя.

Глава 4

Вернувшийся из Киева Василько прежде всего направился к Даниилу. Даниил, увидев в окно въезжающую карету брата, выскочил на крыльцо. Их встреча была по-братски теплой, сердечной. Обнявшись, Даниил со смехом сказал:

– А ты счастливый, прямо к обеду пожаловал.

– Да я специально так сделал!

Они рассмеялись.

– Ну пошли! – сказал Даниил и, подхватив под руки брата, повел его в едальню.

По русскому обычаю, осушили кубки. Закусив, Даниил, глядя веселыми глазами на братца, сказал:

– А я в Рим еду.

– В Рим? Ты?

Тот кивнул.

– С чего бы то?

– Пока ты там смотрел бои кулачные, папа прислал ко мне своего монаха Алексея.

– Чего же хочет Иннокентий?

– Ну! – Даниил поднял кубок.

Он пил долго, не торопясь. Закончив питье, вытер рукой усы и бороду. Взял малосоленную севрюжку, посмотрел на нее и разорвал пополам.

– Держи! – и подал половину.

Они посмаковали рыбину. Затем Василько сказал:

– Ты мне не ответил, чего же хочет Иннокентий.

– А! – махнул рукой Даниил, – все, что хотел раньше – принять в свое лоно.

– Да, – покачал головой брат, – настырен папа.

– А что ему не настырничать? Он спит и видит Русь подгрести под себя. Где он еще возьмет таких соболей, мед. Будет откуда для своих походов воинов черпать.

– Так на кой он тебе сдался?

Даниил встал с сидельца, подошел к окну. На дворе незаметно подкрадывалась осень. Кое-где стала золотиться листва. Холодный ветер, проникавший с улицы, крутил у ограды опавшую листву. Он вернулся на свое место, тяжело вздохнул, почему-то посмотрел на иконостас.

– Обещает издать свою буллу и объявить Крестовый поход на мусульман – так рассказал мне его нунций. Ради этого я готов на все. Ты знаешь, когда я стоял на развалинах Козельска, у меня так трепетало сердце, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Какие люди там жили! Святые! И они отдали свои жизни, чтобы сказать нам, живым: «Любите свою землю, берегите ее!» И не успокоится мое сердце до тех пор, пока на этой земле будет господствовать татарская нечисть! Вот поэтому я еду в Рим. Только, брат, об этом никто не должен знать.

И вновь взялся за кувшин.

– Об этом меня и предупреждать не надо. Только охрану возьми, – Василий поднял кубок. – За твой удачный поход!

...Осень выдалась богатой. Летом вовремя прошло несколько хороших дождей, и смерды умаялись убирать урожай. Давно известно, что у торгового человека нюх особый. Как бы само собой, но боярская площадь заполнилась торговыми людьми. Каких только товаров ни навезли и для бояр, и для смердов. Какой одежды ни встретишь: тут тебе и порты, корзна, луды, перегибы, сустуги, убрusy, сапоги, лапти, плащи. А ткани: и льняные, и шерстяные, и поволоки греческие. Украшения – смотришь, и глаза разбегаются: цепи золо-

тые, пояса разные. Есть и золотом шитые, с жемчугом и камнями, золотые с капторгами. Браслеты – и золотые, и серебряные. А от бус разных голова кругом идет. Немец инструменту навез разного: тут и лопаты, и серпы, косы, топоры... Всё есть.

А бояр сколько понаехало! Приехал из Киева и Вышата. Да не один, гостей приволок, Кочеву с сыном Елисеем. Пригласил он их погостить в свою вотчину. Те согласились, и не без умысла. Да и у хозяина виды: поближе его сынка к себе привязать. Спит, видать, боярин да видит солеварни Кочевы. Уж больно много они гривны добывают.

А за несколько дней до отъезда Кочевы в его семье был крупный скандал. А все из-за Елисея. Ключница узнала, что одна из дворовых девок понесла от него. Это уже была вторая жертва молодого жеребчика. Она притащила испуганную служанку в покои боярыни и поставила ее перед грозными очами хозяйки. Смазливое личико девушки, залитое слезами, выражало такой испуг, что он подкупил хозяйку. Ей стало жалко это забитое, робкое существо. Гнев ее как-то прошел. Она подняла служанку с колен.

– Ну... успокойся, – голос хотя и был еще строгим, но уже чувствовались нотки прощания. – Ты кому-нибудь сказывала?

– Не-е! – ревела виновница.

– Ладно... так и быть.

Она повернулась к ключнице:

– Отправь девку в деревню. Скажешь старосте, чтобы приютил ее на первое время.

Затем подошла к столу, на котором стоял ларец. Открыв, достала несколько серебряных гривен:

– Возьми. Избу поставишь. Хозяйство заведешь. А мужика я тебе подыщу.

Выпроводив девушку, боярыня пошла к супругу. Рассказав ему о случившемся, она уперлась в него тяжелым взглядом.

– Эх, – вздохнул тот, – женить надо жеребца.

И решил ответить на приглашение Вышаты.

Стихийная ярмарка была в разгаре. А прибывавшие возы всё скрипели и скрипели. Везли пшеницу, рожь, ячмень... разные деревянные поделки, глиняные изделия. Прибывали и заморские гости. Дивиться надо было их чутью. За морем и то учуяли поживу.

Вот тянется ряд украшений. Кого среди покупателей только нет! Тут и смерды, удачно продавшие свой товар и теперь ищущие для супруг подарки подешевле. Тут и старосты, дружинники, тут и бояре. Но им подавай товар подороже. А его мало, не всем хватает.

Очень понравился Анастасии золотой пояс на червчатом шелку с камнями. Но... дорогой! Стоит она в раздумье, держа его в руках, вдруг откуда ни возьмись Елисей. Глянул он на этот пояс, глаза загорелись.

– Дай-ка суда, – грубовато сказал он, забирая его из рук растерявшейся девушки.

Развел руки с этим поясом, пробегаю по нему глазами.

– Беру! – торжественно и нагло произнес он.

Анастасия круто развернулась и пошла прочь.

– Ты зря обидел девушку, – сказал торговец, как бы шутя добавил: – будешь свататься, она тебе это припомнит.

– Да куды она денется! – с вызовом бросил он, – это я еще погляжу, сватать аль нет. Ха! Ха!

Увидел бы он выражение прекрасных глаз, когда она, услышав его слова, резко обернулась. Да некогда ему было смотреть, деньги считал.

За обедом Вышата не узнал дочь. Когда появилась припоздавшая Настенька, отец понял, что с ней что-то случилось. Лицо хмурое, взгляд чем-то озабочен. Признаться, такой ему еще видеть ее не приходилось. Он стал осторожно наблюдать за ней, в душе появилось

какое-то беспокойство. Она не отвечала на вопросы Елисея, делая вид, что его не слышит. Ни разу не взглянула в его сторону.

– Что-то произошло, – подумал отец, – надо мирить.

В это время, как бы ему на помощь, в окно ворвались звуки труб, бубен, звон колоколец. Все догадались, что это были скоморохи. Это ли не момент для примирения! Нужно сказать, что с приходом татар скоморохи куда-то исчезли. И вот снова слышен их веселый голос.

Гости с радостью откликнулись на приглашение хозяина сходить посмотреть на возрождаемую диковину. Народ стоял сплошной стеной. И только усилиями стражи удалось пробиться к месту их выступления. Живость картине добавлял огромных размеров медведь, который, как казалось, с удовольствием показывал свои номера.

– Ну, Михайлыч! Покажи, как ходит боярин.

Медведь поднимал морду кверху и, важно покачиваясь, шагал вперед. Народ хватался за животы. Смеялись и бояре. Правда, осуждающе поглядывая в сторону скомороха.

– А теперь покажи, как ходит смерд.

Голова медведя падала на грудь, спина сгибалась, передние лапы болтались. И опять смех.

– Ну, Михайлыч, пойді, поздоровайся.

Медведь, вытянув вперед лапу, двинул на толпу. При его приближении люди инстинктивно стали отступать. Мишка прибавил шаг и стал сближаться. И тут у кого-то из присутствовавших не выдержали нервы. Или лишку хватил у Хелала. Он вдруг выдернул нож и ударил им медведя. Тот дико взревел и так хватил бедного лапой, что содрал кожу с головы до пупа. Запах крови помутил зверю разум. Схватив какого-то мужика за плечо, он потрепал его, а потом швырнул на несколько десятков шагов. Давя друг друга, толпа ринулась в разные стороны. Стража попыталась было как-то оградить хозяина и его гостей, но их усилия были напрасны. Страх разметал людей в разные стороны. Каждый стал спасаться как мог. Здоровенный Елисей, расшвыривая встречающих, прокладывал себе путь к спасительным боярским хоромам. Его не остановили даже крики Анастасии. Сбитая с ног, она протягивала к нему руки, моля о помощи. Мчались мимо нее и дружинники, забыв про свой долг. А зверюга приближался! Вид его был ужасен! С кровью на шерсти, с безумными глазами и со свирепым оскалом пасти он казался демоном, вырвавшимся из ада.

Анастасия собрала последние силы, чтобы встать на ноги. Но вид приближающегося чудовища лишил ее этих сил. «Всё!» – пронеслось в ее сознании. Она не видела, как, рассекая толпу, кто-то ринулся к ней на помощь, отвечая на ее зов. Выдернув меч из ножен у какого-то очумевшего от страха дружинника, человек встал на пути этого чудовища. Изрыгая рев, оно двинулось навстречу смельчаку. Мгновение значило многое. Кто опередит? Человек оказался ловким парнем. Он успел всадить меч в грудь медведя по самую рукоятку. Зверюга взревел, сделал два неуклюжих шага и грохнулся на землю. Боярышня была спасена!

Юноша оглядел площадь, словно ища, кому еще нужна помощь, потом подошел к девушке. Она лежала с закрытыми глазами. Лицо ее было смертельно бледным. Что-то в ней показалось ему знакомым. Но что? Вспомнить он этого не мог. Может, мешали пережитые события? В это время она открыла глаза и взглянула на склонившегося над ней спасителя.

– Ты?! – тихо прошептала она.

И вдруг он вспомнил... Подхватил ее и осторожно поднял с земли. Она, поняв, что в безопасности, улыбнулась ему такой улыбкой, что парню показалось, будто бы земля под ним качнулась.

Встав на ноги, Анастасия оперлась на его руку, и они тихонько пошли через площадь. Проходя мимо поверженного медведя, девушка не выдержала и отвернулась. Даже на мертвого она боялась смотреть. Такой он внушил ей ужас. А между тем площадь ожи-

вала. Поняв, что угрозы больше нет, народ, как волна на море, стал возвращаться. Кто-то, видать, надоумил и Елисея. Он мчался к ней на всех парусах. Но девушка даже не взглянула на него, когда тот остановился перед ней. Оценив свое положение, Елисей не нашел ничего другого, как впиться ненавидящими глазами в лицо спасителя. И тот почувствовал, что приобрел в нем своего врага. Но это нисколько его не обескуражило. Он был рад и горд, что Анастасия предпочла его. Ни о каких последствиях не хотелось и думать. Да, собственно, они и не пугали его. Он чувствовал достаточно сил, чтобы защитить не только себя.

А завтра жизнь вошла в привычную колею. О вчерашнем дне мало кто вспоминал. Странствующие артисты, от греха подальше, поспешили оставить это неприятное место. А народ стал гадать: изменит ли боярин своей привычке – будет или нет кулачный бой? Как молния пронизала всех весть: «Будет!»

И вот торги закончены. Многие остались очень довольны. Селянам удалось сбывать много своей продукции, закупить нужный инвентарь. Торговцы, подсчитывая барыши, благодарили Бога и просили его ускорить сюда их новый приезд.

С утра на следующий день на площадь повалил народ в ожидании предстоящего сражения. Необычным было его открытие. Гремели тулумбасы, вопили трубы. Бирюч орал во все горло: «Подходите, люди добрые! Вы увидите битву скорую! Победителю честь да слава! Юной деве награда! Спешите, спешите!» Дивится народ этому нововведению. И без него бы пришли. Но как же – жениху угодить надобно. Красив да богат, а еще боец знатный.

В доме Андрюхи народу полным-полно. Мать поит всех квасом да кормит пирогами. Это бойцы. Сговариваются они проучить гостей. Пусть знают. Вот только боярыч опасен.

– Ты, Андрюха, не подведи. А мы уж потянем.

А Вышатины гости тоже ведут разговор о предстоящем бое. Старший Кочева все выпрашивает, кого надо бояться, понимая, что сына не удержать. Снизолел даже до того, что стал расспрашивать слуг, одаривая их деньгой. Они-то и посоветовали опасаться Андрея. Кое-что рассказали про его удачный бой. Это испугало старшего Кочеву. Дошло это и до Вышаты. Боярин успокоил гостя.

– Говорят, есть тут один боец знатный. Но, думаю, Елисей посильнее будет. Видел я его в Киеве. Молодец, что и говорить!

Отец Елисея насторожен, понимает, что сыну как-то надо завоевать доверие Анастасии и будущего тестя. Малость не так повел себя сынок. Завелся и сам Елисей, когда узнал, кто тут опаснее всего. О чем-то шепчется со своим служкой. Тот понятливо кивает головой.

Наступило время, когда надо идти на площадь. Народу – не пробиться. Но когда появились бойцы в белых рубахах, все расступились, пропуская их к месту сражения, выкрикивая пожелания и советы. Десять шагов разделяли бойцов. С обеих сторон слышались то насмешки, то угрозы.

– Пятки песком натрите, когда побежите до Киева, чтоб лучше сверкали!

– Лучше зубы посчитай, чтобы знать, сколько останется.

– Ну на, считай!

Следует удар.

– Ах, ты так!

Схватка началась. Местные стараются держаться кучно. Это позволяет им сдерживать ярость противника. Но все равно, победителя пока не видно. Силы равны. Где Андрей – там противник отступает, а где Елисей, отступают местные.

Много выбывает бойцов. У кого нос разбит, у кого глаза заплаыли. Два вожака невольно приближаются друг к другу. И вот они стоят друг против друга. Их недавняя мимолетная встреча всплыла отчетливо в памяти Елисея. Злоба вдруг закипела в нем: «Ишь ты, смерд клятый, и ты туда со своим рылом. Ну, погоди!» И боярыч первым яростно бросился в бой. Ловким ударом Андрей отбросил его на несколько шагов. Но боец есть боец! Выстоял! Радую-

ются гости. Молчит только Анастасия. Зато, когда Андрей колотит противника, она не сдерживает своей радости. Отец пытался ее урезонить, незаметно наступая ей на ногу. Но своевольная дочь не обращала внимания. «Может, этим она хочет проучить провинившегося жениха», – искал оправдание отец.

Бой продолжается. Все сильнее вырисовывается преимущество Андрея. Только не очень понятно поведение Елисея. Он все время старается как бы прижаться к толпе. И вот после очередного удара Андрея тот отлетел к толпе, где стоял его служка. Какое-то мгновенное замешательство, и он снова рвется в бой. Елисей словно воспрянул духом, ринувшись в атаку. Но что это? Нечаянный удар в висок Андрея? Туда же не бьют! Андрей вдруг остановился, поднял руку к виску, где показалась кровь, и рухнул на землю.

Победа! К победителю тотчас подбежал служка. Какое-то мимолетное касание, и он исчезает в толпе. Андрей же лежит не шевелясь. И тут через всю площадь к нему бросилась Настенька. Она упала перед ним на колени и подняла его голову. Он тихонько застонал и открыл глаза.

– Ты, – сказал и потерял сознание.

Толпа что-то начала соображать. Кто-то подскочил к Елисею.

– Покажи, гад, руки!

Тот разжал кулаки. Там ничего не было.

– Братцы, – взревел бородатый смерд, – служку держите!

Но того и след простыл.

В боярской ложе переполох. Борис Кочева с удивлением смотрит на хозяина. Его укоризненный взгляд так и говорит: «Что с твоей дочерью? Разве так можно!» Вышата пожимает плечами:

– Он спас ее, она, – он хохотнул, – спасает его.

– Это холопское дело, – буркнул Кочева, – спасать своих господ.

– Он не холоп! – возразил боярин.

– Ну... презренный смерд, какая разница, – чувствуется, боярин Кочева стал нервничать.

– И не презренный смерд. А как бы не был он... кровушки Мономаховой!

Кочева с удивлением посмотрел на Вышату, а потом с презрением ответил:

– Все это... выдумки, боярин.

Оглянулся и пальцем подозвал холопа:

– Зови Елисея, мы уезжаем.

Усмехнулся Вышата: «Боярин норов свой показывает. Да ладно... катись ты, коль так. Не на тебе свет клином сошелся».

А на площади стало твориться что-то невообразимое. Выросшая толпа напирала на Елисея, попытавшегося было скрыться.

– Чем ты вдарил? – ревел народ.

– Да вы что, братцы, могу крест положить. Ничего... вот видите! – он протягивает им ладони.

– Ты убил Андрея! Смотри, как рассадил висок! – многочисленные пальцы указывают на голову Андрея.

– Да вы что, братцы, – он упал на колени, видя, что дело может плохо кончиться.

Служка, издали наблюдавший за толпой, рванул к старшему Кочеве.

– Боярин, – завопил он, – спасай, спасай боярыча!

Кочева побледнел:

– Что случилось?

– Толпа, смерды клятые грозятся вбить боярыча!

– За что?

– Дык он вбил смерда.

– Убил?

– Убил? – подскочил и Вышата.

– Убил! – подтвердил служка, делая скорбным лицо.

– Пошли, боярин, – Вышата торопливо зашагал в сторону толпы. – Еще не хватало, если устроят самосуд.

При виде хозяина толпа нехотя расступилась. Елисей, увидев Вышату с отцом, вскочил на ноги и, показывая на народ пальцем, завопил:

– Они! Они... грозятся убить. Я не виноват!

Толпа загалдела. Вышата поднял руку, народ стих.

– Что с Андреем? – обратился Вышата к народу.

– Да этот гад убил! – несколько рук показывают на Елисея.

– Нечестен бой! – вопят другие.

Вышата подходит к Андрею. Его голова покоится на коленях Анастасии. Вокруг виска кровь.

– Что с ним? Жив?

Анастасия, глаза которой светятся счастливым взором, согласно кивает головой. Как бы в подтверждение сказанного, Андрей тихо простонал.

– Эй, – крикнул Вышата страже, – несите его в мои хоромы, да позовите Нестора.

Всю дорогу Анастасия не отходила от раненого. Она была при нем, когда лекарь его осмотрел. Он сделал отвар из каких-то трав и дал его выпить Андрею. Юноша заметно стал приходить в себя. А на площади Вышата успокоил народ и высвободил Елисея из окружения.

В ту же ночь Кочева с сыном уехали домой. Домой вернулся и Андрей. Привезла его Анастасия. Когда мать увидела девушку, сердце ее екнуло. «Неужто Боженька сводит их? Господи! Нет! Он для Вышаты родом не вышел».

Забеспокоился и Вышата. Несчастье, случившееся с Андреем, напомнило боярину ту старую историю, которую он узнал о юноше. Тогда у него не возникло желания разобраться в ней. А вот сегодня ему почему-то захотелось все понять. Он принялся вспоминать, что таила его память. Он был одним из сопровождающих Михаила Всеволодовича, когда тот направился к венгерскому королю за помощью для спасения Киева. Не получив помощи от короля, они вынуждены были, покинув Венгрию, ехать к галицкому князю Даниилу Романовичу. От него он и услышал об Аскольде, сыне козельского воеводы. В разговоре князь поведал, что местом последнего пребывания Аскольда был замок фон Зальца, где он встречался с ним. О дальнейшей его судьбе он ничего не знает.

Концы обрубались там. И Вышата решил просить помощи у князя Михаила и, возможно, поехать к Зальцу на следующий год. От этой мысли ему стало как-то легче на душе. Однажды за обедом боярин обратился к дочери и сообщил о том, что на днях они возвращаются в Киев. После этих слов на лице Настеньки отец прочитал огорчение. Ему стало неприятно на душе. Столько времени дочь не видела мать, а не стремится к встрече! Это что-то значит.

Недолго прожив в Киеве, Настенька запросилась назад, в их вотчину. Боярин не знал, что и делать. Поговорив с женой, он убедился, что воздействовать на дочь она тоже не может.

– Тогда ты поедешь с ней, – решил боярин.

Мать постаралась затянуть отъезд, а отец – подойти с разговором об Елисее. Боярин Кочева не давал ему прохода, пытаясь вернуться к старому разговору. Оказывается, его сын не может жить без Настеньки. Что с ним произошло, никто не мог понять. Отец хотел было урезонить сына и напомнил ему, как он не протянул девушке руку помощи. Но сына он не узнал. Куда делась его покорность! Он вдруг заявил, что если отец не поможет, то произойдет самое страшное. Он не сказал что, но сильно напугал мать, которая взяла в оборот своего

муженька. Вот почему Кочева насел на Вышату. Тому тоже не было резона терять такого выгодного жениха. И он стал наседать на Настеньку. А Настенька, его Настенька ничего и слышать не хотела об этом человеке. Да и сам боярин как-то сомневался. Он не хотел «ломать» дочь, и, невольно сравнивая обоих парней, понял, что сердце его было открыто для Андрея. «В конце концов Настенька не бедна! Ой не бедна! И будет ли она счастлива с таким человеком, как Елисей?» – думал он. Поэтому боярин и решил, как только минует весенняя распутица, ехать к тевтонцам. Князь обещал помощь, узнав, с какой миссией он туда направляется.

Глава 5

Даниил возвращался от папы римского в подавленном настроении. То, что писал папа в своих письмах, какие давал обещания, на деле оказалось простым обманом. «Папа погряз в борьбе за власть, – думал он, – и меня хочет сделать папезником. Зачем ему, первосвященнику, вступать в борьбу с Фридрихом? Чего он достиг? Ему самому пришлось бежать из Рима. Но как он вцепился в мое предложение о соединении церквей! Даже издал буллу с призывом организовать Крестовый поход на восток. Но кто его слушает! Император – против папы, французского короля восточный поход не интересует. Он рвется в Северную Африку. Что же делать? А силами Голиции и Волыни с татарами не сладать. Нет, все же папа пока единственный, кто хоть что-то обещает». Затем он улыбнулся, вспомнив, как ловко ушел от предложения надеть ему королевскую корону: «Рать татарская не перестает нападать, как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?»

Восточные дела не давали Даниилу покоя. Татарский баскак Куремса стал часто навещать его восточные города и села, давая повод думать, что делать. События заставили его обратиться за помощью к польским князьям. Те, зная желание папы, поставили ему условие: короноваться. И вот в Дрогичине ему пришлось надеть на голову королевскую корону. Но и после этого не было помощи.

Выходки Куремсы Даниил больше терпеть не мог. Двинув свои войска, он разгромил татар. Но радоваться успеху было преждевременно. Батый, узнав о случившемся, сменил баскака, назначив Бурундая, и усилил его войско.

С огнем и мечом двинулся тот по Южной Руси, разрушая городские укрепления и грабя население. Но не все города склонили перед ним голову. Холм остался цел. Подойдя к нему, баскак не решился его штурмовать. Радость Даниила была безгранична: оправдалось его предвидение – сильно укрепленные города не по зубам татарским. Отказавшись от штурма, баскак двинулся на Польшу. Пограбив ее, с большой добычей возвращался восвояси.

Вотчину Вышаты они уже почти прошли, не заметив ее из-за леса. Но сотник Асан, отставший по нужде, вдруг увидел, как баба выгоняла из лесу скотину. Видать, подумала, что вражина уже ушла. Он догнал баскака и что-то ему шепнул. Тот кивнул. Асан взял свою сотню и поскакал назад. Миновав лес, который прятал село, они ураганом обрушились на него. Залаляли собаки, завопили бабы, запылали соломенные крыши. Татары врывались в жилища, плетями гнали людей на площадь. Если кто сопротивлялся, немедленно рубили насмерть.

Беда докатилась до жилища Бункова не сразу. Завыл пес. Лай его был каким-то особенным, как показалось Пантелеймону, тревожным.

– Пойду, погляжу, – сказал он, облизывая ложку.

Семья обедала. Он ворвался, словно ошпаренный.

– Татарыыы!

И начал хватать разные вещи. Потом бросал их, брал другие. Андрей выскочил во двор. Над селом поднимался дым. Вдруг за плетнем мелькнула овчинная шапка. Через мгновение, ломая ограду, во двор ворвался всадник. В руках его горел факел. Андрей глянул по сторонам, но, кроме поленицы дров, под рукой ничего не было. Он схватил полено и изо всех сил метнул его в непрошеного гостя. Не зря он таскал баранов. Удар пришелся прямо в голову. Всадник, раскинув руки, рухнул на землю. Но не успел Андрей разделаться с одним, как появился другой. В это время на крыльцо уже выскочил отец с топором в руках.

– Тятка, дай! – крикнул сын.

Тот растерянно подал топор. Но взмахнуть им Андрей не успел. Оттолкнув отца в дверь, он сам упал на землю. Свист сабли пронесся над ним. Лежа, изловчился и бросил топор. И тот достиг цели.

Вскочив на ноги, он поймал повод татарского коня и оседлал его.

– Тятка, – крикнул он, – дай повод второго.

Он поймал коня и подал подъехавшему Андрею узду.

– Я на боярский двор! – крикнул он, нахлестывая лошадь.

Двор Вышаты осаживали татары. Челядь храбро отбивала нападение. По всему было видно, что продержатся они недолго. Тут собралась почти вся сотня. Андрей, увидев эту картину, развернул коней и поскакал к логу. Там, привязав лошадей, он залесенным оврагом стал пробираться к Вышатиному двору. Найдя дыру, через которую служки выбрасывали мусор в овраг, он, пробежав двор, проник в хоромы.

Настю он нашел в светлице, где она с пожилой женщиной, то молясь, то смотря в окно, дрожала в ожидании своей участи. Он схватил ее за руку, крикнув: «Пошли!» И она побежала за ним.

Он посадил ее на конька, и они поскакали в сторону леса. И когда, казалось, все осталось позади, Андрей услышал пронзительный крик Настеньки. Он оглянулся. Конь попытался скакать на трех ногах, подстреленный татарской стрелой, а ее догоняли всадники. Их было с десяток человек. Бросив взгляд на лес, где ждало верное спасение, Андрей развернул коня. Когда он подскочил, татары уже пытались связать отчаянно отбивавшуюся Анастасию. Борясь с девушкой, они не заметили Андрея. Это позволило ему подскочить к ним сзади и выхватить у татарина саблю из ножен. Рубанув с плеча, он развалил татарина. Увидев угрозу, остальные бросили девушку и навалились на Андрея. Вертясь между ними как волчок, он успел крикнуть ей: «Беги!»

На что он надеялся, неизвестно. Сила явно была на стороне врага. Он жертвовал собой ради ее спасения. Тут бессильна была и выучка Куки. Хотя несколько тел и валялось на земле, но кто-то ловко бросил аркан, который сжал его горло. Он сумел его разрубить, но... это было лишнее движение, которое позволило врагу навалиться на него.

Его, связанного, впихнули в толпу, которую собрали на площади, затем погнали по дороге под усиленной охраной. Асан рассказал баскаку про уруса, оказавшего яростное сопротивление. Тому стало интересно на него взглянуть. Он любил смельчаков и приказал привести его. Баскак обошел связанного парня, оглядывая его, как лошадь на базаре. И, довольно фыркнув, что-то сказал татарам. Если бы Андрей понимал их язык, он бы узнал свой приговор: «Беречь, за него в Солдае турецкие купцы дадут хорошую деньгу. Быть отныне ему рабом». И приказал зорко за ним следить. Андрея отвели в толпу, где каждый со страхом ждал своей участи. А она у всех была одна – быть проданным на далеких невольничьих рынках. А юноша думал, как ему вырваться из этого неожиданного плена и что с Настей.

Люди Асана окружили их плотной стеной. Чувствуя надежность своей охраны, татары развязали Андрея, видя, как затекли его руки. Так и товар может пропасть. Гнали их по родной для Андрея дороге. Он и не мог подумать, что вдруг станет среди родных мест пленником. «Там, за поворотом, лес близко подступает к дороге», – застучало в его голове. Он исподтишка стал разглядывать всадников, приметил на вид неказистого татарина. Шедшему рядом мужику он шепнул:

– Дойдем до леса, пропусти.

– Не дури, парень! Из-за тебя и меня прикончат. Нет!

После этих слов он набычился, того и гляди выдаст. Тогда Андрей сделал вид, что смирился. Но мужик все равно шел рядом в напряжении, готовый отшвырнуть смельчака назад. Андрей отвернулся и больше не смотрел в его сторону. Мужик расслабился, когда они про-

шли лес. Но зря. Этого момента Андрей только и ждал. С такой силой внезапно толкнул мужика, что тот сбил всадника вместе с коньком. Андрей подскочил к хилому татарину, швырнул его в толпу. И вот он уже на татарской лошади. Ударив голыми пятками по ее вздутым бокам, он направил лошадь в сторону леса. Если первые шаги ее были резвы, то потом, вероятно, почувствовав на себе чужого седока, лошадь зауросила. Этого было достаточно, чтобы юношу окружили всадники, бросившиеся за ним вдогонку.

Били долго и ужасно. Потом два здоровенных татарина подтащили его и грубо швырнули в толпу. Случайно или злонамеренно, но он вновь оказался рядом с тем бородатым мужиком, который был против его побега. Не очень добрыми глазами он глянул на парня и в сердцах бросил:

– Герой хренов.

Но когда он увидел, что Андрей стал медленно оседать, подхватил его.

– Держись... смотри, как избивали, ироды, – неожиданно участливо сказал он и обвил его руками свою шею.

До привала он тащил юношу на себе. Дал ему несколько глотков своей воды. Вместо отдыха нарвал каких-то листьев, порвал на ленты свою рубаху. Велел ему помочиться на листья. Обложив раны этими листьями, обвязал их. Боль, ужасная боль отразилась на лице Андрея.

– Терпи, парень, иначе хана, – только и сказал мужик, опять беря его руку.

Он отдавал Андрею и часть своей еды. Эта его русская сердечность возымела результат. Андрей креп на глазах. И уже смог идти самостоятельно.

Через несколько дней ландшафт стал резко меняться. Леса куда-то исчезли. Вокруг все чаще господствовала открытая местность. Сильнее чувствовался запах полыни и еще чего-то. Любые попытки побега были исключены. В степи, в родном доме, татары были хозяевами. Но, несмотря на это, они повязали всех пленников между собой. Идти стало труднее, особенно днем. Воды почти не было. Солнце жарило невероятно. Не хватало еды. Но плети беспощадно гнали пленников все дальше на юг. Стали появляться больные. Они быстро выбивались из сил и падали на землю и больше уже не поднимались.

В один из рассветов, когда казалось, что такой жизни не будет конца, перед ними вдруг открылась необыкновенная картина. Вдали на самом горизонте кто-то выталкивал из ямы свалившееся туда солнце, и оно нехотя поднималось, прокладывая к ним золотистый след. А вокруг серебрилась волнистая гладь, которая насыщала воздух необыкновенным запахом.

– Море! – воскликнул кто-то.

– Ура! – раздалось несколько несмелых голосов.

По всей видимости, они посчитали, что на этом кончаются их нечеловеческие испытания.

– Дурачье! – буркнул сумрачный мужик, сосед Андрея. – Чему они радуются?! Все еще впереди!

Эти слова расстроили Андрея: «Действительно, что нас ждет дальше?»

Пленных поместили в огромный сарай, чудом сохранившийся от татарского набега. Пол был улан затхлой соломой. Их теперь никуда не гнали. Лежи, сколько хочешь. Даже не верилось. И воды было вдоволь. Да и кормить стали по-человечески. Кто-то зло пошутил:

– Как свиней перед забоем.

В этой шутке была доля правды. Баскак распорядился их подкормить. Скелеты никому не нужны. Но люди, дорвавшись до еды, об этом не думали.

И вот наступил день, когда начали уводить куда-то по несколько десятков человек. Назад пока никто не возвращался. Дошла очередь и до Андрея. Рубцы от плетей позарастали. Тело набрало прежнюю силу. Чем не товар!

Очередных пленных, среди которых был и Андрей, гнали по улицам чужого города и привели на какую-то площадь. На них оставили одни порты и стали кого-то ждать. Там уже было много народа, кругом стоял крик, сливавшийся в общий рыночный шум. К ним подошли несколько человек и почему-то сразу бросились к Андрею. Они о чем-то спорили друг с другом, ударяя себя в грудь, поочередно подходя к парню. Бесцеремонно заглядывали ему в рот, смотрели зубы, опускали нижние веки. Потом обращались к хозяевам. Татары что-то говорили, затем начинался спор. Все кончалось тем, что покупатели отходили, не раз оглядываясь на предмет своего спора. Видать, здорово «горел зуб» на молодого богатыря, да мошна была тонка. И шли к другим. Там спору было меньше. Они быстро ударяли по рукам, развязывали кисеты, отсыпая монеты. И уводили людей, как скот, в неизвестном направлении. Некоторые из покупателей вновь возвращались к Андрею в надежде, что хозяева снизят цену. Уж больно хорош был товар! Но татары знали цену этому детине и снижать ее не собирались.

Наконец показался какой-то купчина, в сопровождении загорелого плешивого мужичка и худого старика. Перед купцом все встречные склоняли головы. Это был самый известный на Ближнем Востоке работорговец. Его почему-то звали Клещом. Он важно подошел к Андрею. Долго на него смотрел. Потом что-то сказал одному из сопровождавших. Тот, кивнув, подскочил к Андрею и начал тщательный его осмотр. Клещ, изредка бросая какие-то слова, следил за его работой. Оглядев предмет торга, тот подошел к хозяину и стал разговаривать. Клещ удовлетворенно кивал головой. Затем, выслушав плешивого, повернулся к старику и что-то ему приказал. Тот направился к татарам, и они стали горячо обсуждать сделку. Шум нарастал. Стал собираться народ. Кое-какие покупатели продолжали задерживаться перед Андреем. Вдруг один из них, достав кисет, поднял руку. Андрей догадался, что этот покупатель решил его приобрести.

Но Клещ вдруг сам подскочил к татарам и своей массивной фигурой оттеснил покупателя от продавцов.

– Сколько? – спросил он.

Те ответили.

– Плати, – приказал он старику и величественно пошел прочь.

Он хорошо знал, что Умур-бей не пожалеет своего злата за такой дорогой товар и не будет расплачиваться жалким акче.

Плешивый взял Андрея за руку, и они пошли... Андрей оглянулся на прощание. На его глазах навернулись слезы. Как-никак судьба породнила его с этими еще не проданными людьми. А главное – они были русские. Он помахал им свободной рукой, за что плешивый что-то грозно ему сказал. Андрей резко повернулся, вырвав руку, схватил за бока плешивого и поднял его над собой. Тот беспомощно заболтал ногами, чем до слез рассмешил Клеща.

Они привели юношу к берегу, где был причален корабль. Это был нэф, высокобортное двухмачтовое судно с косыми парусами. Плешивый подал знак сигнальщику, и тот сбросил им веревочную лестницу. По ней они вскарабкались на палубу. Как заметил Андрей, купец, несмотря на тучность, оказался довольно проворным человеком. На палубе к нему подошел неряшливого вида человек и что-то сказал. Клещ посмотрел на Андрея снизу вверх и кивнул головой. Он дал согласие, чтобы того использовали на погрузке закупленной пшеницы, несколько возов которой стояло на берегу.

Глава 6

Рано утром на дороге из Тулузы в Кастр появился всадник на добром вороном коне. Это был молодой тулузский граф Раймунд. И ехал он по срочному приглашению дяди, епископа Море.

Он очень любил дядю, до епископства – графа де Буа, который, по сути, заменил ему отца. Раймунд не знал матери. Она умерла при родах. Отец его горевал недолго. Сам король сосватал ему дочь герцога Бургундского, у которого их было пятеро. Мачеха очень гордилась своим происхождением, чего не мог терпеть граф де Буа, считавший, что в его жилах есть капля крови Карла Великого.

Мачеха с первых шагов в Тулузском замке возненавидела Раймунда. Но особенно это выявилось, когда у нее появился свой сын. Дядя, видя, как бедствует его племянник, часто забирал его к себе, где окружал теплом и заботой. А вообще дядя был добрый, сердечный человек, любивший пропустить бокал хорошего французского вина. Он не любил светскую жизнь, наполненную интригами и обманом. Старался держаться подальше от нее. Король, будучи наблюдательным человеком, набожный, договорившись с папой, предложил ему епископство в... собственном графстве. С чем тот охотно согласился.

Вот этот-то человек и позвал Раймунда в очередной раз к себе. В каждом из предыдущих писем он, чтобы не очень придиралась мачеха, находил предлоги для его приглашения. В этом же, что показалось Раймунду несколько странным, он не сообщал причину вызова, написав, что скажет по прибытии. Раймунд недолго сокрушался над таинственностью такого приглашения. Другое событие рождало в нем хорошее настроение.

Однажды молва о красоте дочери графа Арманьяка, их соседа, докатилась до слуха молодого, еще не испорченного женским вниманием графа Раймунда. Но о знакомстве даже думать было невозможно, ибо их отцы никак не могли поделить каштановую рощу. Дело доходило до оружия. Но жизнь иногда – дело случая. Такой случай для Раймунда представился. Сам король Людовик собрал южных баронов в Тулузе. Туда и пожаловал граф Арманьяк со своей дочерью. Она была прекрасна, как небесный ангел. Одни волнистые русые волосы чего стоили! А ее белоснежная кожа! А глаза! Не глаза, а глазищи.

Молодой граф тоже был недурен собой. Весьма недурен. Высок, плечист, строен. Сила так и играла в нем. Темно-русые волосы ниспадали до плеч. А приветливое и в то же время мужественное лицо и карие с огоньком глаза покорили многих юных дев.

Пока Арманьяк слушал своего короля, его дочь прогуливалась в тенистом саду, примыкавшем к замку. Там случайно и встретились два обаятельных юных создания. Их сердца сразу потянулись друг к другу. Начались восхитительные тайные встречи, ибо родители и слышать не хотели об их любви. Но наконец вынуждены были уступить настоятельным требованиям молодых. Всполошилась только мачеха Раймунда. Эта женщина не хотела, чтобы состоялась свадьба. И на это у нее были свои причины.

В эти дни вдруг внезапно объявился ее брат. Но ни предстоящая женитьба сына, ни внезапное появление бургундца не тревожили самого графа. Он был озадачен недавним решением Людовика отторгнуть его бокерское и каркассонское сенешальства. Было отчего схватиться за грудь. Мачеха же заперлась в своей комнате с братом, и они о чем-то долго шептались. Затем он уехал, ни с кем не попрощавшись. А вскоре они получили письмо из Кастра, и Раймунд поспешил на зов дяди.

Утренний туман, поднимавшийся над рекой Гаронна, покрыл землю трудно проглядываемой мглой. Раймунд приостановил коня, который так и рвался вперед. Туман скрыл и двух человек, явно кого-то поджидавших в зарослях у развилки дорог на Альби. Увидев,

что всадник проследовал по Кастрской дороге, они позволили ему отъехать и затем пустились за ним следом.

Стало прохладно. Раймунд достал из сумы, притороченной к седлу, овчинный жилет, поправил шляпу и слегка стегнул коня. Тот, кажется, только и ждал этого момента. Он взял с места в галоп. Так скакал он довольно продолжительное время. Дорога привела на гребень холма. Раймунд остановил коня. К этому времени туман рассеялся, и он залюбовался открывшейся панорамой. Местность была холмистой, густо заросшей лесом. Внизу, после рассеявшегося тумана, четко вырисовывалась долина. Большая часть ее была занята крестьянскими пахотными участками. Теперь осталось только одно жнивье, издали казавшееся позолоченным озером. Воздух наполнялся птичьим гомоном. Вдруг из лесной гущи на жнивье выскочило небольшое стадо косуль. Видать, потянуло полакомиться упавшими колосьями.

– Эй, – весело воскликнул граф, махнув плетью.

Он проехал чуть не половину расстояния, когда разыгравший аппетит заставил его подумать о еде. Он знал, что должен встретить трактир, в котором ему не раз приходилось бывать. Вскоре граф подъехал к нему. Это было полуподвальное здание. Казалось, что оноросло из земли и, не дойдя до своей верхней отметки, остановилось в росте. Узкие оконца, нависшие прямо от земли, с какими-то желтоватыми стеклами, не могли давать много света. Несколько ступенек вели к узкой дубовой двери. Висела же она на витиеватых железных, во всю дверь, петлях. Открыв ее, Раймунд перешагнул порог. В нос ударил крепкий запах чеснока, недорогого вина, жареного мяса. В дальнем углу столик оказался незанятым, хотя народу было много. Радостный гул наполнял заведение.

– Эй, хозяин, – крикнул Раймунд.

Тот сразу откликнулся на зов.

– Слушаю, господин! – перед ним предстал мужичок с бегающими угодливыми глазами.

– Мне зайца на вертеле с чесночным соусом и печеного с кровью.

– Что будете пить, мой сеньор?

– Дай бутылку молодого вина.

– Слушаюсь!

Сделав заказ трактирщику, Раймунд стал рассматривать публику. По их простым одеждам, бутылкам с дешевым вином было ясно, что это местные сельские трудяги, которые пришли отпраздновать уборку урожая. Его взгляд скользнул и по двум подозрительным типам, которые, усевшись за стол у самого выхода, бросали взгляды в его сторону. Будь он не таким молодым и битым жизнью человеком, он обязательно бы заинтересовался этими людьми. Но молодость и переполненное любовью сердце заставили смотреть на мир другими глазами.

Трактирщик отдал заказ поварихе, а сам полез в подполье за бутылкой вина. Не успел он встать на пол, как вдруг в подполье потемнело, и хозяин почувствовал, что кто-то спускается за ним следом. Он хотел было крикнуть, но незнакомец, оказавшийся перед ним, внезапно приставил к его груди нож, а другой рукой прикрыл ему рот.

– Тихо, голубчик! Держи! – и он сунул ему в руки кисет с деньгами.

Трактирщик растерялся, не зная, что делать с деньгами, а что их немало, он чувствовал по весу.

– Бери! Бери, – тихо сказал незнакомец, – иначе, – и он легко ткнул ножом ему под сердце.

Хозяин торопливо сунул кисет в свой бездонный карман.

– Вот так-то лучше! – сказал незнакомец и добавил: – Дай на минутку твою бутылку.

Тот подал. Незнакомец, подойдя на свет к люку, извлек пробку и насыпал в бутылку какое-то зелье.

– Ты ее несешь молодому господину? – на всякий случай спросил человек.

Тот утвердительно кивнул.

– Вот и хорошо, пусть выпьет.

– Но... – хозяин испуганно посмотрел на незнакомца.

– Не бойся. С ним ничего плохого не случится. Пусть поспит. Понятно?

Трактирщик торопливо кивнул.

– Вот и хорошо, теперь ступай.

Прежде чем отнести бутылку вина Раймунду, хозяин зажег еще несколько свечей, и сразу стало светлее. Граф продолжал разглядывать присутствующих. Слева от него сидели четверо мужиков. Они были уже в хорошем подпитии, но продолжали горланить, требуя еще выпивки. В противоположном углу, сдвинув столы, какие-то крестьяне справляли, по всей видимости, свадьбу. В торце сидели парень с девушкой. Парень был в цветастой рубаше, на голове девушки венок из цветов, на плечах цветной платок. Если лицо парня было обыкновенным и выражало какую-то внутреннюю неуверенность, то мордашка невесты была довольно смазливой, и смотрела она более спокойно, даже с чувством удовлетворения от происходящего. Граф снова посмотрел в сторону подозрительных. Но стоило обратить на них внимание, как они отворачивались, делая вид, что им все безразлично. Он отметил это про себя, но о мерах предосторожности не подумал. Его молодую жизнь подлости людские обходили стороной, да он и не знал, что надо делать в подобных случаях.

Между тем в ход свадьбы стала вмешиваться подвыпившая компания. Один из них поднялся и, покачиваясь, подошел к жениху.

– А ну, вылазь... я... я буду женихом...

Парень было заартачился, но тот вдруг выхватил нож и приставил его к горлу жениха. Раймунд ожидал, что мужики соскочат и вышвырнут смутьяна вон. Но они, присмиревшие, сидели, не подавая признаков жизни. Такое их поведение придавало пьяному смелость.

– А ты... – он повернулся к невесте, – иди... ко мне. Ха! Ха! – и протянул к ней руку.

Невеста в ужасе отстранилась. Раймунд решительно поднялся. Ему почему-то жалко стало этих людей, не способных постоять за себя. Он подошел к нахалу.

– А ну... иди к себе! – достаточно грозно произнес он.

– Ты... кто будешь? – мужик, пошатываясь, поднялся и неожиданно пустил в ход кулак.

Раймунд успел отстраниться и схватить его одной рукой за запястье, а другой – выше локтя и изо всех сил отбросил. Нахал упал на соседний стол, прокатился по нему, сметая на пути вино и закуски, затем врезался головой в стену и мешком свалился на пол.

Второй из его компании бросился на защиту, выхватив нож. Но Раймунд схватил табуретку и так огрел того по голове, что он свалился мешком под стол. Досталось и тем двоим, которые не хотели бросать друзей. Этот табурет и их заставил примоститься к своим друзьям.

– Выбросить их на улицу, – приказал он крестьянам.

Те, усовестившись, охотно бросились исполнять его приказание. В зале появился хозяин с помощниками и, глядя на побитую посуду, закричал:

– Кто мне заплатит за убытки?

Причитает, а сам смотрит на свадебных гостей. Те заерзали на месте. Раймунд подошел к хозяину:

– Не трогай этих людей, они не виноваты. А ты – держи!

Он достал несколько монет и положил на стол. Хозяин сгрел их и убежал. Вскоре он появился, держа зайца на вертеле. Сытно пообедав и запив принесенным вином, пожелав

молодоженам счастливой жизни, Раймунд пошел на выход. Они кинулись его провожать и долго махали ему вслед.

А он ехал и думал: какая же у него будет свадьба с любимой? Но что-то его вдруг стало сильно тянуть ко сну. И, чтобы не свалиться с лошади, он еле перенес ногу и, чуть не упав, опустил на землю. Вскоре к нему подъехали те двое, которых он видел в таверне.

– А ну, проверь, – сказал один из них другому.

Наверное, он был старшим. Второй послушно подчинился. Он сильно потряс графа за плечо, но Раймунд никак не ответил.

– Можно грузить! – веселым голосом сказал он.

Вскочил на коня и, крикнув: «Я за повозкой!» – пришпорил лошадь.

Глава 7

Бухта, где стоял корабль с Андреем на борту, была узким морским заливом, окруженным высокими холмистыми берегами. Легкий ветер, дувший с моря, гнал небольшую волну. Она покачивала корабли, ждавшие своей очереди по загрузке.

Сбросив с широких плеч последний мешок с пшеницей, Андрей посмотрел на стражу: погонят его сразу в трюм или оставят на палубе. Те расселись в кружок, по-видимому, во что-то играли и не обращали внимания на недавно приобретенного раба, который закончил работу. Он понял, что им не до него, присел на бочонок и стал рассматривать, что делается вокруг.

Андрей увидел, что в бухте стояло еще несколько парусников. В его голове возник вопрос: чем они загружены? Может, тоже рабами? Тогда, возможно, и Настенька, если ей не удалось спастись, находится на одном из них? Он даже не успел определиться, что бы стал делать, если бы узнал, на каком корабле девушка, как один из стражей, заметив праздное любопытство раба, незаметно подошел и ткнул его в бок:

– А ну, пошел на место! – и угрожающе схватился за саблю.

У Андрея мелькнула мысль: схватить его и бросить за борт. Но что будет дальше...?

Ему пришлось шагнуть в сторону трюма. И он увидел пред собой черную зияющую пропасть.

– Давай, давай, – подталкивал его другой страж секирой.

Четко произнесенные по-русски слова заставили Андрея оглянуться. Русский? Но в нем трудно было узнать русского человека. Загорелое до черноты лицо, на голове мохнатая овчинная шапка. И все же отдельные черты выдавали его. И прежде всего нос. Хотя и не орлиный, но и не короткий с расширенными ноздрями. «Нет, он русский!» – чуть не крикнул он и обратился к нему.

– Слушай, друже! – голос звучит просительно, умоляюще, – скажи хозяину, мне вот так, – он провел ладонью по горлу, – надо на рынок... женский. Я вернусь – слово даю!

Страж расхохотался:

– Что, бабу заприметил?

– Да нет, – осек он его.

Но он не договорил. Невесть откуда взявшийся купчина что-то буркнул стражнику. Тот ему со смехом ответил. Они оба рассмеялись. Андрей все понял. Махнул с досады рукой и полез в эту дыру.

На него дхнул смрадный запах. Сидя там, он его не ощущал. А вот со свежего воздуха... Он даже схватился за нос, останавливаясь на лестнице.

– Давай же, давай! – стражник секирой толкнул его.

Когда скрылась голова пленника, стражник закрыл люк, и Андрей погрузился в непроглядную тьму.

Когда он оказался на полу, его окутала глухая тишина. Закрыл глаза. Ему представилось, что он здесь один. Но это ощущение в следующее мгновение рассеял чей-то голос.

– Урус?

– Урус, – нехотя ответил Андрей, открывая глаза, и спросил, – а как ты догадался?

– Я слышал твой голос, – усмехнулся спросивший.

С яркого света Андрей не заметил, что трюм освещен лампадой, подвешенной к самому потолку. Она медленно раскачивалась в такт движения корабля, давая слабый свет. Но его было достаточно, чтобы разглядеть, что здесь находилось несколько человек. Одни лежали, вероятно, спали. Трое насупленных сидели кружком.

– Пристраивайся, – сказал один из них, подвигаясь. – Как ты, такой здоровяк, попал? – спросил он, играя соломкой во рту.

– Да вот так... – садясь, ответил Андрей.

– Не мутит душу человеку, че пристал, – недовольно пробурчал обросший мужик, одни глаза только на лице и видны.

От этих слов Андрею стало не по себе. Ему вдруг представилось, что его Настенька окажется в таких условиях: «О Господи! Помоги ей!» – и перекрестился.

И у него в душе появилось такое желание увидеть ее, что только воспоминание о татарском наказании остановило его от отчаянного поступка вновь повторить побег. Но все же он дал себе слово, что будет ее искать, что бы с ним ни случилось.

Прожив какое-то время в таких условиях, Андрей, как и другие, потерял временной ориентир. О том, какое время суток, они могли судить только когда вталкивали новую партию рабов или приносили еду.

И вот, когда в трюм спустили последнюю партию живого товара, люди слышали, как над ними забегали туда-сюда матросы, раздавались похожие на собачий лай команды, ругань. Заскрипели мачты. Стало ясно: корабль вышел в открытое море. Жизнь в трюме мало чем изменилась. Разве что усилились качка да беготня по палубе.

Но однажды все изменилось. Андрей проснулся и в первое мгновение не мог понять, что творится вокруг. Их швыряло из стороны в сторону, как снопы во время урагана. Обшивка страшно скрипела. Казалось, что корабль вот-вот развалится на части. Кое-кого стало тошнить, поднялась паника, все двинулись к люку. Люди, сдвигая друг друга с лестницы, старались пробиться вверх, чтобы первыми оставить опасное помещение, когда его откроют. Драка, завязавшаяся у лестницы, грозила перейти в убийство. Надо было что-то делать. Интуиция подсказала Андрею, что прежде всего надо прекратить драку. И он решился пойти против обезумевшей массы. Будь что будет. Другого выхода он не видел.

– А ну, прочь! – и он, раскидывая рабов, стал пробираться к лестнице.

Приблизившись к ней, начал растаскивать драчунов. Откинув очередного, он заорал:

– Нам люк не откроют, лучше берите друг друга под руки и упритесь в стены.

Его решительность, требование, громовой властный голос делали свое дело. Вся эта звереющая толпа вдруг почувствовала над собой силу, способную заставить ее подчиниться. Ураган усиливался. Он поднимал корабль то на гребень волны, то кидал его в свою бездну. Но люди уже не чувствовали такого страха. Охваченные единой волей, они боролись за жизнь.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда люди, измотанные вконец, вдруг почувствовали, что море успокаивается. Корабль перестало так кидать, осталось только монотонное покачивание. Ураган утих так же внезапно, как и налетел. У всех появилось какое-то почтение к Андрею, организовавшему их спасение.

Вскоре к ним заглянул сам хозяин. По всей видимости, он готовился увидеть кучу трупов. И на вопрос: «Все живы?» – получил положительный ответ. Он даже не поверил словам и приказал одному стражнику спуститься вниз. Пока тот проверял, ему успели рассказать, что спаслись благодаря Андрею.

– Не будь его, вряд бы кто остался в живых, – наперебой рассказывали они, – или бы поразбивались, или перебили бы друг друга.

Страж рассказал об этом купчине. Тот погладил бороду и сказал:

– Уже этим он оправдал затраченные на него деньги, – и приказал перевести юношу в другое помещение.

Но Андрей наотрез отказался, заявив, что хочет остаться со всеми.

В один прекрасный, если он может быть у рабов, день воцарившийся в трюме мир рухнул в одночасье. Корабль остановился.

– Братцы, – возвестил голос не то с радостью, не то с печалью, – а мы стоим!

Все вдруг стали прислушиваться. Кто-то даже лег на пол. Действительно, корабль стоял. Не было ни качки, ни ударов волн. В оцепенении стали ждать, что им приготовила судьба.

Вскоре с шумом открыли люк, и за долгие дни скитания по морю раздалась команда:

– Поднимайсь. Глаза берегите!

Все, не стовариваясь, уступили дорогу Андрею. И он полез наверх первым.

– Глаза закрой, – заорали сразу несколько человек.

И вот он на палубе. Андрей чувствовал это по необычному пьянящему запаху воздуха. И каким дорогим показался он ему! Потихоньку открыл глаза. Свет, точно ножом, полоснул по ним. Он несколько раз то закрывал, то открывал их, пока они не привыкли к свету. Первый взгляд юноша бросил не на палубу корабля, а на долгожданную землю, простертую от края и до края. Даже эта чужая земля и по запаху, и по виду с непреодолимой силой потянула к себе. И как он был рад, когда последовала команда сходить на берег! Многие падали на колени и целовали землю, благодаря Бога за спасение.

Они шли и не верили, что идут по земле. Им казалось, что это сон. Вот сейчас проснутся и вновь окажутся в душном темном трюме. Как оживились они, увидев собачонку! Наверное, нахлынуло на них воспоминание чего-то родного, потерянного ими, быть может, навсегда.

К вечеру второго дня пути они входили в Пруссу. По обеим сторонам дороги виднелись круглые строения. Андрею кто-то сказал, что это шатры. Полуголые, загорелые ребята с интересом наблюдали за медленно влачившимися людьми под охраной всадников, которые лениво помахивали плетью. Иногда без особого усердия стегали отставших. Опять этих людей ждало подобие сарая. А скоро их дальнейшая судьба решится на невольничьем рынке. Но, прежде чем на него попасть, предстояло пройти небольшую подготовку. Их подняли рано, с криками первых петухов. Это утреннее пение вновь напомнило о далеких родных местах, заставило забиться сердце. Но суровая действительность быстро переключила на жизненные реалии. Привезли несколько возов дров. Заставили развести костры и греть воду в больших чанах. Когда она нагрелась, понудили смыть с себя пыль. Затем брадобреи из дикобразов стали делать людей. Лекари, осмотрев рабов, выбраковали пару человек. Их сразу куда-то увели. Остальных начали сытно кормить и поить напитками. Несколько таких блаженных дней с выгодой для себя отпустил им Клещ. И вот посвежевших, отмытых и побритых повели на рынок.

Он уже был битком набит народом. Пленники впервые увидели здесь горы апельсинов, мандаринов, яблок, кукурузы и многого другого. Увидев толпу идущих рабов, кто-то прятал свой товар, кто-то кидал целыми пригоршнями обездоленным людям.

Вот и место, отведенное для торговли людьми. Андрей это понял по низкой каменной оградке, разделявшей рынок на две части, и по виду тех людей, которые понуро ожидали здесь своей участи. Юноша стал шарить глазами по рабам в надежде увидеть Настеньку. Вот толпа женщин. Видно, как их осматривают, заглядывают под подол, ощупывают руками. А пленных все ведут и ведут. О, сколько здесь рабынь! Каких только нет! И с белой, и с желтой, и с черной кожей. На всех, похоже, есть покупатели, потому что много толпится здесь народу. Спорят, что-то доказывают друг другу, заставляют рабынь показывать зубы, груди, хлопают по задним местам. Если женщина начинала возмущаться, хозяин тотчас успокаивал ее плетью.

Не успела русская группа остановиться, как их тут же облепили покупатели. Многие обступили Андрея, который выделялся на весь рынок. Осматривали, поворачивали, расходились, сходились, ругались, обнимались. Но до покупки пока дело не доходило. Заглянули бы они ему вовнутрь, увидели, как все клекотало там. Восставало все: и поруганная гордость,

и попранное достоинство. Сколько раз сжимались кулаки! Да держал себя. Знал, чем дело кончится. Вот и умирал свою гордыню.

Появилась группа людей во главе с невысоким плотным человеком средних лет, на голове его была надета меховая шапка черного барашка, одет в халат из собремона густого вишневого цвета, на ногах мягкие с острыми загнутыми носками сапоги с нависшими над ними черными шароварами. Чуть приотстал миролен, за ним не один десяток воинов.

– Умур-бей! Умур-бей! – понеслось по рынку.

Это был один из известных правителей Ближнего Востока. И один из самых богатых покупателей.

Он шел быстро, энергично размахивая руками. Пробежал глазами по одной, второй... группам рабов, но шел все дальше. И вот останавливается перед русской группой. Хозяин вышел к нему навстречу и, приложив руку к сердцу, низко наклонился. Тот рукоятью плети ткнул в Андрея, и начался торг.

– Пять юк, – с улыбкой сказал хозяин, назначая свою цену.

– Пять юк? Да это пятьсот тысяч акче. Можно купить пол-базара, – вперед вышел миролен.

– Покупайте, – все так же улыбался хозяин.

– Два юк, – миролен взглянул на бея.

Тот одобрительно покачал головой.

– Неет! – все улыбается хозяин.

– Пошли? – миролен опять посмотрел на бея.

Но тот плетью отстранил его и встал перед хозяином.

– За что такая цена? – спрашивает он, не отрывая глаз от парня.

– Он добрый воин, – ответил продавец, чувствуя, что парень нравится бею.

– Хорошо! Пусть сразится с Наимом, – так назвал он миролена. Решил бей, вероятно, чтобы сбить цену.

Миролен, рослый, здоровый турок, услышав приказ хозяина, стал засучивать рукава. На его лоснившемся лице расплылась самодовольная улыбка. Хозяин что-то шепнул русскому стражу. Тот подошел к Андрею.

– В победе твое счастье, – сказал он и показал на миролена.

Андрей понял, что ему надо за чем-то биться и при этом обязательно победить. Иначе... он знает уже, чем все это может кончиться. Моментально образовался круг. Миролен, видно по всему, опытный воин, не обижен и силой.

– Ну, Кука, выручай, – промелькнуло в голове Андрея, и он перекрестился. – Господи, помоги!

Миролен медленно, явно выбирая момент для броска, стал ходить перед урусом. Да Андрей не стал ждать. Один прыжок, и резкий удар ниже грудной клетки. Ноги миролена оторвались от земли, а он сам, описав дугу, хлопнулся у ног бея. Все замерли. Воины схватились за сабли. Бей поднял руку. Народ уже пришел от неожиданности в себя. Раздался ядовитый смех. Бей словно кто-то стегнул, а в голове пронеслось: «Не куплю, дам повод своему врагу надо мной насмеяться. Это быстро станет его достоянием». Когда к нему подошел очухавшийся миролен, он, зыркнув толпе: «Какие злые морды!» – сказал ему:

– Я его беру.

Воля айдынского правителя непререкаема.

Больше смотреть рабов бей не стал, настроение было испорчено. И он с довольно внушительным отрядом решил возвратиться в свой бейлик. Гулям-урус получил коня, из одежды дали суконный халат. Воинов бей взял много, потому что очень опасался вожда племени кайы бея Эртогрула, близ границ которого ему приходилось проезжать. Этот бей,

пришедший из далеких восточных районов, имел около пятисот шатров. Его конские и овечьи стада не имели счета. Особенно досаждал Умур-бею его сын Осман, который не раз с нукерами нападал на его райю. Умур-бей послал посла к Эртогрулу, чтобы он убедил бея остепенить сына. Но тот рассмеялся, назвав походы Османа детскими забавами. Тогда Умур-бей решил сам проучить смельчака, раз отец не хочет этого сделать. И ждал только удобного момента. На этот раз они никого не встретили, и Умур вскоре вошел в свое стойбище.

Чуть ли не все сельджуки его племени собрались посмотреть на покупку, узнав, какие деньги вбухал бей в уруса. Кто-то успел шепнуть, что этот урус победил самого миролена. И это усилило интерес к парню. Этого воина все боялись, так как он до этого был непобедим в битвах. За это бей и сделал его начальником охраны. Но все местные знали, что Наим был зловредным человеком и обид не прощал. А это пугало еще сильнее. Но пока он стоял в стороне, исподлобья наблюдая за происходившим.

Нескрываемый интерес к новому рабу вдруг проявила дочь бея Арзу. Трудно сказать, чем это было вызвано. Она настолько увлеклась рассмотрением уруса, что не заметила, как сползший яшмак открыл ее симпатичную мордашку, за что получила от отца грозный окрик. Но дочь хорошо знала отца и его любовь к ней. А поэтому ничуть не испугалась и предложила:

– Давайте будем его звать Санд.

Отец посмотрел на нее, улыбнулся, и окружающим стало понятно, что он согласился.

Но недолго Умур-бей позволил рассматривать его покупку. Он приказал одному из акынжи отвести гуляма в шатер, где тот будет жить. Это было давнишнее, хотя и огромное, строение. По всей видимости, оно когда-то принадлежало бею. Но за ветхостью его передали для своих райю или даже гулямов.

Стоило акынжи со словами: «Это твое жилье» отбросить полог, чтобы пропустить уруса, как оттуда вырвалась стая одичавших собак. С лаем и угрожающим рычанием они промчались мимо. После такой встречи неприятно было туда заходить. Но акынжи грубо толкнул Андрея: «Иди!» Юноша едва сдержался, чтобы не дать достойный ответ. За ним с факелом зашел и его страж. Дуновение ветра обнажило многочисленное количество дыр. Акынжи не обратил на это ни малейшего внимания, зато показал его постель. Это была груда старого меха с валиком для головы, на котором только что отдыхали собаки. Затем приказал жестами раздеться и надеть другую одежду.

Вместо привычных порток – шаровары. На ноги – сапоги с острыми носами. На рубаху – безрукавку из овчины. На голову – чалму. С подбором одежды акынжи пришлось побегать. Все приготовленное ему не подходило, было мало. Когда одели, получился сельджукский воин. Акынжи, довольный, разулыбался и что-то стал говорить быстро, быстро. Андрей только пожимал плечами: мол, не понимаю. Тот ударил себя по голове и куда-то исчез. Его долго не было. Вернулся не один. С коренастым сельджуком, который на чистом русском языке сказал:

– Я у тебя лалой буду.

– Кем, кем? – удивленно спросил Андрей.

– Ну, толмач, понимаешь?

– Не-ет, – покачал Андрей головой.

– Разъяснять, учить языку и их оружию.

– А-а-а. А ты... русский?

Тот вздохнул:

– Русский. С Курску. Слышал?

– Неет.

– Я давно здесь. Уж лет пятнадцать.

– Продали?

Вторично глубоко вздохнув, ответил:

– Продали, – и добавил, оглядевшись по сторонам, – ты Наима опасайся. Злой человек.

Андрей догадался, что за Наим, и махнул в сторону акынжи головой – мол, слышит.

– А... ни бельмеса по-русски.

Акынжи что-то сказал. Андрей вопросительно посмотрел на своего лалу.

– Говорит, завтра обучение начнется.

– Звать-то тебя как?

– Иваном раньше кликали. Сейчас Хасан.

– Я был Андреем, а сейчас назвали Санд.

Назавтра ему сообщили, что бей определил его в свои силахдары. Но прежде чем ему заслужить такое право, он должен пройти ряд испытаний.

На другой день стали определять его бойцовскую подготовку. Вручили ятаган. Он брезгливо посмотрел на этот кривой меч. Хасан улыбнулся.

– Ничего, привыкнешь. Дай-ка сюда.

Он взял оружие, поднял его кверху, проделал сложную манипуляцию и вдруг нанес горизонтальный удар воображаемому противнику, сказав:

– И... головы нет.

Оба улыбнулись. Андрей повторил движение. Затем усложнил, имитируя отбивание оружия противника и... нанесение удара. Акынжи удивился:

– Ну, Санд, молодец.

Занятия продолжались около месяца. За это время Андрей овладел оружием и уже довольно быстро заговорил по-турецки, чем удивил хозяев. На испытания пожаловал сам бей с мироленом, который глядел на Санда, не скрывая злобы. Но куда ему было деваться, если бей остался доволен своим гулямом. Так он стал силахдаром.

Глава 8

Поздно ночью в ворота замка графа де Буа под Кастром раздался громкий, тревожный стук. Слуга испуганно вскочил с кровати, быстро, накинув на плечи старый потертый камзол, засеменил к воротам.

– Что надо? – крикнул он простуженным голосом, открыв маленькое оконце.

– Срочное послание господину епископу от графини Тулузской.

Слуга протянул руку и взял бумагу. Закрывая оконце, он слышал удалявшийся лошадиный топот. Придя к себе, слуга сел на кровать и, глядя на бумагу, свернутую трубкой, раздумывал, будить или нет господина.

За последнее время у епископа нарушился сон, и слуга решил оставить сообщение до утра. Когда епископ кончил завтракать, слуга, решивший, что время подошло, осторожно приоткрыл дверь и вошел в комнату.

– Чего тебе? – спросил епископ, отхлебнув легкое белое вино.

– Вот вам, – и протянул бумагу.

Слуга прислуживал еще его отцу, он растил будущего епископа и не раз шлепал его по голой попе за разные проказы, на что тот был мастер.

И граф-епископ никогда его не ругал. Развернув бумагу, он пробежал несколько слов, которые были на листе: «... граф скончался. Графиня». Дважды прочитал эти строчки. В груди его ничто не колыхнулось, хотя они были братьями. Но жизнь распорядилась так, что родственные узы были разорваны в дни их молодости, когда Раймунд-старший попытался было лишить своего брата его доли наследства. Тогда между ними пробежала черная кошка. Как-то смягчил обстановку Раймунд-младший, в котором дядя, не имея своих детей, не чаял души. Племянник отвечал ему полной взаимностью. Он вряд ли бы и поехал, но ему было жаль бедного Раймундика. Дядя решил в это горькое для него время побыть рядом с ним. Не забыл он и своего слугу.

– Вели запрагать, – сказал епископ слуге громко, ибо у того было плохо со слухом.

Допив вино, он поднялся, хватаясь за поясницу. «Где-то продуло», – подумал он, направляясь в кабинет, усиленно массируя спину. Закрыв на задвижку дверь, он отодвинул на стене картину и, нажав потайную кнопку, открыл дверцу тайника. Там лежало несколько кисетов с луидорами. Взяв тот, что был полегче, положил его на стол и стал собираться в дорогу. Зная, что на похороны он не успеет в любом случае, ехал не спеша.

В Тулузу епископ прибыл под вечер третьего дня. Графиню он нашел в будуаре. Она сидела в одиночестве около камина. В помещении было темно. Гардины сдвинуты, и только огонь камина да единственная свеча на нем освещали его. Графиня была одета в черное платье, а голова укутана в черную кружевную фату, которая закрывала ее щеки, сбоку был виден только ее длинный тонкий нос. Она походила на хищную птицу. Отблеск каминного огня, игравший на ее лице, делал его похожим на сказочного сфинкса. Епископ пододвинул к ней кресло. Она молча подняла на него глаза и сделала движение протянуть руку для поцелуя, но, вспомнив, кто перед ней, отдернула ее обратно.

– Молю Господа, – заговорил епископ, крестясь, – чтобы он дал тебе силы перенести это горе.

– Да, отец мой, я потеряла такого друга, – она подняла концы фаты и приложила их к глазам, хоть они оставались сухими.

– Мы скорбим вместе с вами и просим Господа принять его душу, – ответил епископ, поглядывая на пылающие поленья. – Так же, – философски заметил он, – сгорает и человеческая жизнь. Дерево дает тепло, а человеческая жизнь... – он замолчал.

– Это к чему, отец мой? – сухим голосом спросила она.

– Да... я так... просто. Ладно, я пойду к Констанции. Она у себя?

Графиня утвердительно кивнула головой.

– Выражаю тебе свое глубокое человеческое сочувствие в постигшем горе.

– А я – вам. Как-никак, он был твоим братом.

– Да... Да будет земля ему пухом, да простит Господь грехи его тяжкие.

– Сегодня безгрешен только сам Господь Бог, – произнесла графиня скрипучим голосом.

Епископ выразительно посмотрел на нее, но ничего не сказал, поднялся и, шаркая ногами, вышел из комнаты.

Констанция, ее падчерица, лежала у себя в кровати с мокрой тряпкой на голове. Глаза ее были заплаканы, и она часто вытирала слезы. Увидев вошедшего дядю, она еще сильнее заплакала и встала с кровати. Они обнялись и так стояли какое-то время.

– Не плачь, дочь моя. Горе слезами не смыть. Крепиться надо, дева.

– Да, дядя, все так неожиданно. Вернулся из Парижа в хорошем настроении. Король обещал ему помощь. И... – она зарыдала.

– Ну, ну! – дядя оглянулся на стол, там стояла кружка с водой, он взял ее и поднес к губам девушки, – глотни, легче будет.

– Дядя, ты помолись за упокой его души.

– Помолюсь, помолюсь, дитя мое, а ты вот так сядь, – он усадил ее на кровать. – Ты крепись, тебе нужны силы. Где братья, что-то я их не вижу?

– Так Раймунд же у вас. Как уехал два месяца назад по вашему письму, так его и нет. Он что, с вами не приехал?

– Подожди, дитя мое, да его же у меня не было! И писем я никому не писал, – епископ, глядя на нее удивленными глазами, даже приподнялся.

– Как не было? – в свою очередь удивилась Констанция. – Вы же прислали письмо и просили его срочно приехать! Я письмо сама видела.

Епископ задумался, и выражение его лица резко сменилось. Оно сделалось озабоченным, на нем отразился непонятный испуг. Мысль лихорадочно заработала: «Что племянника не вызывал, это точно помню. Не было для этого никаких причин. Но и Констанция врать не будет. Так что же получается? И графиня мне ничего не сказала. Или убита горем? Господи, прости! Но... не похоже. Не похоже. Пока ничего не ясно. Вернее, ясно одно – дело нечистое. И опасное, какая-то игра. Но чья?»

– А где твой братец Ферри? Не плачь, вытри слезки... Так хорошо.

– Ферри... не знаю, дядя. Наверное, у шевалье Робина. Это его дружок.

– Констанция, проводи меня до моей комнаты.

Они шли по узкому коридору. На древних стенах висели такие же старинные канделябры, в которые через один были вставлены свечи. От этого здесь царил полумрак, он гнетуще действовал на настроение. Дядя и племянница шли молча, каждый думал свою думу. Констанция думала, что многие женщины ее возраста имели детей. Отец все не мог подобрать достойную пару. А самой что-то решить не хватало смелости. Она была недурна, и молодые люди на нее заглядывались. Как она завидовала Раймунду, который вопреки родительской воле выбрал себе невесту по любви!

У епископа же из головы не выходило странное исчезновение племянника. «Кому же это могло быть выгодно? – думал он и сам ответил: – Прежде всего графине. Выдав быстро Констанцу замуж, ее родной сын Ферри становится единственным наследником при условии, что не будет Раймунда-младшего. Но... мог сделать это и король. Загадочная смерть моего брата. Хоть племянница и сказала, что вернулся он в хорошем настроении и король обещал помощь, но трудно верить королям, когда они как хищники смотрят на твое богатство. Что-то прослышал Раймунд, вот это его и доконало. Тем более хорошо видно, как этот

святоша постепенно прибирает земли в свой домен. Убрали Раймунда, уберут Ферри, а Констанцию отдадут замуж. И... графства Тулузского как не бывало. Что же делать? Попробовать найти Раймунда? Но где его искать? Он может быть убит, брошен в темницу. Что же делать?» Ответа он не находил.

Утром епископ резво поднялся и пошел в родовой склеп тулузских властелинов. Прочитав там молитву, он быстро вернулся, перекусил и, простившись с графиней и племянницей, отбыл в свой Кастр.

Не прошло и месяца, как другая страшная весть потрясла епископа. В водах Гаронны погиб Ферри. Якобы что-то напугало лошадь, и она с моста бросилась в реку.

– Чушь! – воскликнул епископ, читая эти строки.

Он нервно заходил по кабинету, не выпуская листка из рук. «Не протянется ли эта костлявая рука и к иной шее?» – билось у него в голове. Но почему-то близость смерти его не испугала.

– Нет! – воскликнул он, – надо искать племянника!

Глава 9

У новоиспеченного силахдара, пока ничем не обремененного, стало много свободного времени. Он часто, спросив разрешения у Наима, уезжал из стойбища. Пока Наим не давал никакого повода думать о нем как о злом человеке. Наоборот, он удовлетворял все желания уруса. Санд любил, спутав коня, просто так лежать на теплой земле, смотреть в голубое небо и наблюдать за облаками. Они, не подвластные никому, кроме Бога, плыли на север, туда, где была его земля. Как он завидовал им! И каждый раз в думах приходил к воспоминанию о своей первой любви. Где она? Удалось ли ей спастись? Или, может быть, как и он, где-то сейчас вот так же должна прислуживать какому-то бею?

– Где ты, отзовись, родная! – шептали его губы.

Но с какого-то времени его одиночество стала нарушать Арзу. Вопреки обычаю, она, любимая дочь бея, брала коня, чтобы промчаться по дремавшей веками, а теперь ставшей родной земле. Вроде нечаянно она натыкалась на Андрея. Делая удивленную мордашку, она восклицала:

– Но откуда ты знаешь, что я буду здесь? Ты что, умеешь читать мои мысли? – говорит, а у самой ее черные как смоль глаза смеются и горят, будто два огонечка.

Что остается делать рабу? Но и он стал замечать, что и для него такие встречи приятны. Они отгоняли его невеселые мысли, скрашивали жизнь.

И еще одно событие если и не потрясло его, то оставило след в сердце. Однажды он столкнулся с одним необыкновенным человеком, скорее уродом. А делал его таким огромный шрам, шедший чуть ли не от глаза до подбородка. Рубцы, стягивавшие рану, оттягивали нижнее веко, перекосили нос, стянули губы так, что видны были зубы. Почему-то подумалось, что это был боевой рубец.

От такой неожиданной встречи Санд даже смутился, если не испугался. Человек каким-то странным взглядом посмотрел на него. Поняв, в каком смятении находится этот новенький, урод в сердцах махнул рукой и поспешил удалиться.

Их встреча на этом не закончилась. Санд стал замечать, что этот человек незаметно, но очень часто наблюдает за ним. И он решил во время очередной встречи с Арзу спросить у нее об этом странном человеке. Но, к сожалению, она мало что знала. Рассказала только, что до ее рождения он был куплен еще мальчиком. Его отдали в услужение женской половине бейской семьи. Он и сейчас там, но вроде лалы. Сказала, что он пользуется большим влиянием у бея – так назвала Арзу своего отца.

– А почему туда? – удивился Санд.

Арзу рассмеялась:

– А ты... не догадываешься?

– Нет, – чистосердечно признался он.

– Ну... и ладно, – продолжая смеяться, ответила она и добавила: – когда-нибудь поймешь.

Этот человек продолжал за ним следить. Но сколько ни пытался Санд с ним сблизиться, он тотчас скрывался на женской половине, куда вход мужчинам был заказан. Но все же однажды, схитрив, Санд столкнулся с ним нос к носу. Тот попытался было уйти, но Санд придержал его за рукав.

– Ты русский? – спросил он.

И Санд увидел, как весь он преобразился: глаза засияли, выпрямился. Он закивал головой, издавая нечленораздельные звуки.

– Так он еще немой, – догадался Санд, – кто же так его изувечил?

– Это кто сделал, – он показал на его шрам, – русские?

Тот отрицательно покачал головой.

– Турки?

– Неээ, – можно было понять отрицательное покачивание головой.

– Татары? – все повторилось.

Санд пожал плечами: мол, кто? Тогда он стал быстро перебирать пальцами. Санд догадался.

– Всадники?.. Половцы? – неуверенно произнес он.

– Даа, – с трудом подтвердил и закивал головой.

– Где ты жил?

Он сделал движение рукой, напомиравшее ползучую змею или плывущую рыбу.

– Не понимаю, – замотал головой Санд.

Затем, разводя руками над головой, человек что-то пытался изобразить.

– Не понимаю, – опять замотал головой Санд.

Тот опять быстро задвигал пальцами, а потом изобразил, что это существо то ли полетело, то ли скакнуло, разберись.

– Нет, не понимаю, – признался Санд.

Сколько бы они ни встречались, этот человек всегда с каким-то мучившим его вопросом во взгляде глядел на Санда. Что он хотел узнать, оставалось для юноши загадкой. Сколько он ни показывал, как кто-то воображаемый сражается, что-то еще делает, понять его Санд не мог.

Его очень заинтересовал этот человек. Он долго думал, что сделать, чтобы его понять. Что означает движение его пальцев. У кого спросить? А что, если у Арзу? Она, наверное, знает. Вскоре такая возможность представилась, и Санд спросил ее об этом. Арзу рассказала, что еще в детстве с помощью старого иудея Шела она быстро освоила новый язык и свободно стала «разговаривать» с Адилем.

– Хочешь, – сказала она, – я научу тебя?

Тот кивнул в знак согласия. Учеником он оказался толковым. Но пока изучал «немую» грамоту, общаться с Адилем не мог.

Однажды эта спокойная жизнь внезапно оборвалась. Бей задумал военный поход. Ускакали куда-то всадники. Стали появляться незнакомые вооруженные люди. Забрали и Санда. Выдали ему шлем, саблю, лук со стрелами, кривой нож. А пошли они на бейлик Узун-Хасана. Кто-то шепнул Умур-бею, что занемог Узун-Хасан, а его сыновья схватились друг с другом. Каждый желал встать на место отца. Самое удобное время поживиться.

Шли только ночами, чтобы не выдать себя. В последнюю ночь перед налетом они спрятались в какой-то ложине, чтобы с рассветом сделать набег. Но среди ночи вокруг стоянки вспыхнули костры и конники с воплем: «А-а-а!» ринулись на отряд Умура. Чтобы в темноте не перерубать друг друга, узуновцы на спины заранее пришили по белому лоскуту.

Крепко спавшего Умур-бея растолкал Хасан. Тот вначале не понял, но, увидев, что его акынжи уже сражаются с врагом, вскочил на ноги и тотчас оказался в седле с ятаганом в руках.

– Кто-то предал! – воскликнул он.

Внезапность нападения очень помогла узуновцам. Среди воинов Умура поднялась паника. Как разглядели бея, трудно сказать, но на Умура сразу навалилось несколько человек. Куда-то делся Наим, и ему одному пришлось отражать их нападение. Силы были неравны, и Умур уж стал прикидывать, какие стада он отдаст за свой выкуп, как вдруг неожиданно пришел на помощь урус. Он как орел налетел на них, рубя направо и налево. Такого напора, такой ярости, которую проявил этот воин, вряд ли кто мог выдержать. Противник дрогнул и стал отступать. Победный голос Умура слышали его люди. Это их воодушевило, и Узуну пришлось улепетывать, оставив в руках Умура двух своих сыновей. Умур разделил людей.

Одни во главе с ним помчались вдогонку за Узун-Хасаном, а Наим бросился разыскивать стада противника, чтобы их присоединить к бейской скотине.

Победителем возвращался бей в свой стан. Наим пригнал много скотины, и это было не все. Еще Узун-Хасан должен был отдать выкуп за сыновей. Такого успеха бей не ожидал. От радости он даже не стал разбираться, кто же его предал, оставив это дело на будущее время. По этому случаю он решил устроить пиршество. Были приглашены аяны, наиболее отличившиеся воины. Но всех удивил бей тем, что посадил Санда недалеко от себя, среди глубоко почитаемых аянов.

Наим такого вытерпеть не мог. Еще один, два таких налета, и того гляди бей, выгнав его, Наима, посадит рядом этого уруса. И он решил, что пора от него избавиться. Наим для этого пригласил к себе двух особо доверенных воинов и устроил им хороший дастархан. Когда вино ударило в голову, Наим завел разговор:

– Вот тебя, Халил, – он повернулся к пожилому воину, – бей совсем не пригласил на свое торжество. А сколько лет ты служил ему! Помнишь, как мы ходили на Шахин-бея? Кто отвел удар от головы нашего бея? А что получил? Ну а ты, – он повернулся ко второму, – разве ты сражался хуже этого уруса? Почему ему такая честь? Не по справедливости это!

– Не по справедливости! – поддержали они его дружно.

– Вот и я говорю, несправедливо. Давай выпьем.

Закусывают дымящейся бараниной. Обтерев о себя жирные пальцы, Халил, отрыгнув, сказал:

– Ты прав, Наим, этому урусу здесь делать нечего.

Второй, решив, что и ему пора подать голос, предложил:

– Он любит уезжать один. Давайте выследим и...

Халил отрицательно покачал головой:

– Боюсь, мы с ним не совладаем. Хоть и молод, а биться умеет.

– Да нам головы не сносить, если узнает бей, – сказал второй акынжи, почесывая макушку.

Наим поочередно оглядел собутыльников. Те согласно закивали головами.

– Вы правы, надо придумать что-то другое, – Наим почесал затылок.

Халил прищурил глазки:

– Нам надо выследить его. Как-то раз я видел его вместе с Арзу. Бей такие вещи не прощает.

Наима даже подбросило:

– Ты что!

– Да, да.

– Чего молчал? Да, – подытожил Наим, – будем следить.

Безделье угнетало Санда, и он возобновил свои выезды. Подметив это, стала выезжать и Арзу. Вскоре состоялась их встреча. Она видела, что Санд был отчего-то грустен. Если бы она могла залезть ему в душу, то увидела бы, что в ней никому, кроме его Настеньки, места нет.

Девичье сердце не обмануть. Затеяв безобидный разговор, она незаметно перешла к расспросу:

– Ты отчего, Санд, такой грустный? Наверное, свою любимую вспомнил?

Он посмотрел на нее печальными честными глазами, и Арзу поняла все.

– Она красива? Красивее, чем я? – не постеснялась Арзу задать такой вопрос.

– Милая Арзу, – как встрепелось ее сердечко, когда она услышала это слово, – была у меня Настенька. О любви я никогда не слышал, я не знаю, что это такое. Но мне, кроме нее, никто не нужен.

– И даже я? – последнюю букву она произнесла так тихо, что он еле уловил.

– Ты – мой друг. Понимаешь? А друг – это все. Мы друзей не предаем. Понимаешь? Она ничего не поняла. Ой, как все сложно! И ее сердце прониклось к нему жалостью.

– А где она сейчас? – Арзу склонила голову, и всегда веселое ее личико стало серьезным.

– Не знаю... Может, как и я, стала гулямой, – он тяжело вздохнул. – Может, еще и не продали.

– Так ты бы съездил и искал. А бей бы ее выкупил.

Знала ли она, какие последствия будут иметь ее слова, как и встречи с ним!

Нечаянно брошенные слова Арзу подняли в его груди бурю. Недолго раздумывая, он решил ехать.

– Ты можешь у бей спросить разрешения на мою поездку?

– Бей мне ни в чем не отказывает, – гордо сказала она.

На следующий день она попыталась встретиться с отцом, но ему было не до дочери. Опять этот несносный мальчишка, этот дьявольский Осман, угнал у него стадо овец. Нет, надо с ним что-то делать. Но что? И он решил посоветоваться со своим визирем. Алаэддина дважды просить не надо. Выслушав бей, он, прищурив левый глаз, тихо сказал:

– Ссориться с беем Эртогрулом опасно. У него более пятисот шатров. А ты заставь Узун-Хасана это сделать. Скажи, что за это ты отпустишь одного из его сыновей.

Бей задумался, поглаживая бороду.

– Хорошо, – наконец согласился он, – но поедешь ты и все уладишь.

Как ни не хотелось визирю это делать, но пришлось ему собираться в дорогу.

Санд в этот день с Арзу не встретился и решил, что она у бей и все решит. Наутро он оседлал лошадь и отправился на далекий рынок, о котором он узнал от Арзу. Но она и на второй день не могла попасть к бей и решила попросить Наима, чтобы тот за нее попросил отца. Выслушав ее, он кивнул головой в знак согласия, а сам задумался: «Что-то тут можно сделать». Но что – в голову не приходило. Тогда он решил найти Халила, который, выслушав его, сказал:

– Сам Аллах отдаст его нам в руки. Вели седлать коней. На рынке мы его схватим и скажем бей, что он решил бежать.

Глаза Наима заблестели от радости. Как просто, но как здорово! Он сам возглавил отряд для поимки Санда. Воспользовавшись тем, что Санд не знал дороги в Бруед, отряд Наима прибыл первым и стал ждать его появления. Ничего не подозревавший Санд прибыл в полдень в город. Отыскав рынок, он тщательно его осмотрел. Даже пробовал у многих спрашивать. Но никто ничего не мог ему сказать. И не найдя следов Настеньки, он уже собирался возвращаться, как неожиданно наткнулся на Халила. Он его плохо знал, хотя довольно часто встречался. Но на чужой земле каждый знакомый становится чуть ли не родственником. Санд спрыгнул с коня, и они обнялись, как старые друзья, поприветствовав друг друга.

– Как хорошо, что я тебя встретил, – воскликнул Халил, не дав ничего сказать Санду, – есть кого попросить о помощи.

– А что случилось? – с выражением полной готовности выполнить любую просьбу спросил Санд.

– Понимаешь, купил барана, да здоровый оказался. Хочу повязать, да тот не дается.

Санд рассмеялся:

– С бараном мы справимся.

Они подошли к старому, казалось, заброшенному шатру. Около него стоял какой-то мужик и держал на веревке здорового барана.

– Ты возьми у него веревку и вали барана, а я повяжу ему ноги, – командовал Халил.

Сам встал около барана так, что Санд должен был встать спиной к шатру. Юноша, нагнувшись, ловко схватил ноги животного и только хотел дернуть их на себя, как кто-то

сзади ударил его по голове. Когда Санд очнулся, он почувствовал, что сидит на коне с завязанными глазами. Руки и ноги были связаны. А перед ним всадник, слышен топот конских копыт. Сильная боль в голове отвлекала его от ощущения окружающего мира. Когда боль немного стихла, он попытался заговорить с всадником. Но тот упорно отмалчивался. Почувствовав, что разговор не получится, он стал думать, что случилось.

Первое, что пришло ему в голову: «Меня и Халила приняли за богатых покупателей и напали на нас, чтобы ограбить. Ударили... но, обыскав и ничего не найдя, почему-то не бросили, а куда-то везут. Наверное, хотят взять за меня выкуп. А вдруг Умур-бей не захочет? Да и некому за меня заступиться. Чужой я среди всех. Только разве Арзу... но она же девчонка. Как ей просить за меня у отца! Что тот подумает? Всегда как-то по-особому на меня смотрит Адил. Арзу сказала, как его зовут, но что может сделать этот уродец. Нет! Видать... нет, страшно подумать», – все это вертелось в его голове.

Сколько его везли, днем или ночью привезли, он ничего не мог сказать. Когда остановились, он впервые услышал чьи-то сдержанные, глухие голоса. Но слов разобрать не мог. Санд почувствовал, что кто-то развязал ему ноги и руки, затем его стащили с лошади. Подхватив под руки, куда-то повели. А потом... толкнули так, что как он приземлился на ноги, не мог бы ответить.

Он снял с глаз повязку и... оказался в непроглядной темноте. Она дышала сыростью, и Санд догадался, что попал в какую-то яму. Он слышал о том, что у князей на Руси были ямы, в которые бросали преступников. Неужели и он попал в такую яму? За что? Да и где он? Отчаяние овладело парнем. Он почувствовал себя таким одиноким, никому не нужным, что жизнь стала ему не дорога.

Внезапно на какое-то мгновение свет озарил его яму. Но только на мгновение. Рядом что-то ударилось о землю. Почувствовал запах мяса. И... отодвигая тяжкие мысли, взвырвал аппетит. Насытившись, Санд вновь стал обдумывать свое положение. Мысль была одна: во что бы то ни стало надо бежать. И он принялся ощупывать стены, но понял, что выбраться невозможно. Он пытался подняться с угла, но слизь, покрывавшая стены, делала их скользкими и больше двух-трех передвижений он сделать не мог. Попробовал ногтями выцарапать углубления. Но из этого ничего не вышло: стены были крепки.

Когда надежда развеялась, опять в голову полезли разные мысли. Он очень хотел узнать, где он, куда делся Халил. Может, его убили? Санда сильно озадачивало их молчание. Почему они ему ничего не говорили? Чего они от него хотят?

По возвращении торжествующий Наим появился перед очами бея и, не скрывая радости, описал побег Санда и его новое пленение. Бей был взбешен. Он оказал ему такую честь, посадил его, паршивого гуляма, почти рядом с собой, среди почтенных аянов, а он, грязная русская свинья, решил бежать! Нет, молодец Наим, схватил беглеца. Пусть его судит суд. Он вызвал к себе кадия. Гнев кипел в его оскорбленной душе, и он приказал осудить Санда самым строгим наказанием. А наказание было одно: смерть.

Кадий стал думать о том, к какому виду казни он должен приговорить гуляма: отрубить голову, утопить или, по обычаю татар, разорвать его лошадьми. Надо было угодить бею.

Глава 10

Бывают в жизни довольно странные совпадения. Но объяснить причину такого явления никто не берется. Когда в Брусе вязали Санда, в далеком Марселе в это же время корсары знаменитого капитана по кличке Грозный приковывали к упорным брусам двухмачтовой галеры одного из именитых французских аристократов. Капитан был весьма доволен такой неожиданной покупкой. Граф, так на ушко шепнули ему, выглядел настоящим верзилой. Сам Грозный, просоленный морской волк, был похож на крепко сбитую бочку. Грудастый, с могучими плечами, с заметным брюшком, с короткими толстыми ногами. Его большая круглая голова была как бы ввинчена в дюжие плечи. На первый взгляд он казался медлительным, неповоротливым человеком. Но так только казалось. На самом деле он был резок, стремителен и на удивление ловок. Обладая огромной физической силой, в бою был бесстрашен, дерзок и хорошо видел ход сражения. Знал, где и когда ему надо появиться, чтобы обеспечить победу. К тому же не был жаден, делил добычу всегда по справедливости. За это его любили и охотно шли в услужение. Но он был до жестокости строг и быстр на расправу. И за это его боялись. Поэтому дисциплина на корабле была железной. Все вместе взятое позволяло ему господствовать не только на своем судне, но и на всем Средиземноморье. Многие владельцы судов, которых он догонял, зная его мощь и силу, без боя отдавали то, что требовал корсар.

Счастлива была та таверна, куда заходил он встряхнуться. Хозяева набивали мошну, а за его щедрость и мужскую силу женщины были от него без ума.

Но не все при виде удава цепенели на месте, как кролики. Находились смельчаки, которые без боя не хотели делиться своим добром. Поэтому были и у него потери, а корабль требовал ремонта.

На приобретение гребцов он денег не жалел, подбирая сильных, здоровых людей. Вот и на этот раз ему пришлось отвалить две тысячи луидоров за молодого рослого француза. Продавцы даже посмеялись напоследок, что это какой-то знаменитый граф. Да только Грозному все до морского фонаря. Бывали у него за веслами не только графы, но и герцоги, и даже принцы. А попадали они к нему по происку родственников или близких людей, у которых эти вельможные люди стояли на пути. А Грозному какое дело, кто они, лишь бы в них была сила и гребли здорово. Случалось, что их и выкупали. И тут Грозный «не скупился», знал, что деваться тем некуда. Не дадут нужную сумму, увидит тогда выкупатель, как тают в морской синеве паруса его корабля.

Француза приобрели перед самой отправкой, он находился в полной прострации. Грозного это не смутило. Он знал, что «продавцы» опаивали свои жертвы зельем, чтобы легче было ими совладать. Они, как правило, вскоре отходили.

– Ничего, очухается, – сказал Грозный на замечание одного из подручных и приказал везти его на галеру.

Когда он очнется, они будут уже далеко в море. А тут один закон – гребки, когда прикажут. Иначе... Стража подобрана здоровая, любого успокоит.

Когда француз пришел в себя, он был в ужасе. Он не мог понять, где находится, кем стал. Кругом видел только голые тела незнакомых ему людей. Они что-то делали какими-то толстыми палками. Одна лежала у него на коленях. Он было дернулся, но цепи не дали ему сделать и шага. К нему подскочил какой-то черномазый здоровяк и что-то рыкнул. Чтобы скорее привести новичка в чувство, его по спине ударили плетью. А куда прикованному дергаться, засекут до смерти. В одно мгновение понял: где он, кто он. Ему стало ясно, кто его повелители.

Так началась новая жизнь Раймунда. Что и говорить, плеть – лекарство действенное. Он быстро пришел в себя. И, все обдумав, понял, что спасения нет. Или, вернее, есть... только выкуп. Но кто этим займется? Мачеха? Вряд ли это ей нужно. Дядя... Да. Но как он его найдет? Сестра? Нет. Она ничего не сможет. А пока... пока спина болит от безжалостных ударов плети. Но надо держаться.

Раймунд смотрит на своего соседа. Вид его отталкивает. Это зверь, а не человек. Весь волосатый, как обезьяна. И взгляд какой-то волчий. Господи, помоги перенести все это. Весла подняты. Всё. Теперь можно забыться. Вспоминается последний день его свободы. Нет, в замке все было, как обычно. Дорога спокойна. Таверна. Ну, что там. Драка. Драчунов выбросили на улицу, и они куда-то исчезли. Кто еще? А, те двое, что ему показались подозрительными. И зачем один из них полез в погреб вслед за хозяином? Зачем? Не он ли уговорил хозяина, и они насыпали порошок в вино? Но кто их мог заставить это делать? Мать? А может быть, сам...? О Боже! Не зря отец так его боится. Он ведь охотился за нашим графством. Чего мне ждать?

Глава 11

В этот день Адил, которого Санд назвал про себя уродцем, собирался поехать в Кютахья, чтобы сделать покупки для женщин Умур-бея. Они требовали разные товары: и дамаст, и парчу, цветастые курдэе, колпаки, туфли из лайки, шарфы. Попробуй всем угоди. Но за что ценили Адила – он всем мог угодить. У него был тонкий вкус, и что бы он ни давал женщинам, они не могли нарадоваться.

Адил начал завязывать полук, как услышал за спиной чьи-то торопливые шаги. Он оглянулся и увидел почти бегущую Арзу. Он понял, что что-то случилось. Арзу без причины к нему бы не пришла. Она умела разговаривать с ним и понимала движение его рук. Услышав, что Санд был схвачен Наимом в Брусе и обвинен в попытке к бегству, Адил побледнел. Он знал, что следует за этим.

– Он не виноват, – сказала она, – Санд поведал мне о своем желании на рынке поискать Настеньку, и я хотела все рассказать отцу, чтобы он не гневался, если узнает, что я разрешила ему это сделать. Но... я не могла к нему попасть и попросила Наима, чтобы он передал мое решение, но... – и слезы полились у нее из глаз.

Адил взял ее за руку, и они быстро пошли к бейскому шатру.

В этот час бея нельзя было беспокоить. Он возлежал на нежных мехах и наслаждался дымом волшебной силы, после которого в груди воцарялось радостное настроение, и оно уносило его в сказочные райские кущи. А Адил, этот все понимающий и уважительный, покорный и безоговорочный гулям вдруг точно сбесился. Рядом с ним его нежная, кроткая, любимая дочка Арзу, и они требуют оставить в живых этого беглеца. Что подумают его акы-нжи, если он не накажет виновного!

– Нет! И... убирайтесь!

Но куда делась у Адила, хватавшего на лету мысли своего властелина, отработанная за долгие годы податливая уступчивость, безропотная сговорчивость, что с ним случилось? И что случилось с его Арзу? Почему она так себя ведет? Что она говорит? Что она разрешила Санду поехать на невольничий рынок. С каких это пор женщина вмешивается в дела мужчин? Что говорит Адил?

– Мой повелитель, ты, кому Аллах не дал сына, но зато дал такую дочь, которая с достоинством заменит любого мужчину, уже сейчас должна учиться повелевать мужской половиной. Или ты хочешь, чтобы твой бейлик остался без правителя? Может, ты готовишь отдать его Эртогрулу, сын которого не раз причинял тебе разные неприятности? Если ты будешь милостив, к тебе будет милостив Аллах, и он услышит нашу мольбу и даст тебе наследника!

Последние слова Адила доконали бея. Ну и хитрый этот урус! Знает больное место бея. Но... все же, зачем дразнить Аллаха?

– Ладно... – бей задумался, – только ради Аллаха, милостивого, милосердного. Хвала и благодарение Аллаху, дарую я ему жизнь. Но... он будет пасти мой скот на самом дальнем уделе.

– Спасибо бею, такому же милостивому и милосердному, – Адил низко поклонился и выскользнул из шатра.

Санд привык к тому, что каждый день видел свет лишь мгновение. Но на этот раз яма освещалась довольно продолжительное время. И, похоже, никто не пытался ее закрыть. Сердце радостно забило: «Бей выкупает его!»

Вверху раздались чьи-то голоса, сопение. И он увидел, как к нему спускают лестницу. «Ура! Меня освободят! Слава бею! Да я за него теперь и головы не пожалею!» – пронеслось в мыслях Санда.

– Поднимайся! – получил он долгожданный приказ.

Наверху свет ослепил Санда, и он закрыл глаза. Когда немного пообвык, то увидел перед собой... Наима, за ним группку людей. Злобный оскал Наима говорил о многом. Но Санд не хотел думать о плохом, считая, что он прибыл по приказу бея, чтобы освободить его. И ради этого Санд готов был броситься ему на шею. Но... перед ним вдруг вырос невысокий, полноватый человек, одетый в черное, с красной феской на голове. В руках у него был какой-то листок. Держа его перед собой, но глядя на Санда, этот человек певучим голосом заговорил:

– Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...

Слова в ушах Санда вдруг стали терять свою сущность. Они стали таять, как снег на печи, не доходя до его сознания. Он понял одно – побег... его приговорили за побег... пастухом. Он пастух! По воле бея... пастух... хвала и благодарение Аллаху!

Сборы были недолги. Хасан и Халил его сопровождали. Он ехал, а в голове все смешалось. Он не понимал главного... побег. Какой побег? Он не думал никуда бежать. И ему стало ясно, почему так улыбался Наим.

Бей, отменяя казнь, посылал Санда на смерть, которая могла настичь в любую минуту. Эта земля не имела явного хозяина. Она понравилась бею. Здесь были тучные пастбища, вода. А что еще надо, чтобы множились твои стада? Он приказал взять из его многочисленных стад по нескольку лошадей и баранов и гнать их туда. Пастухом определил старого и больного гуляма. Это был поляк, которого несколько лет тому назад приобрели на невольничьем рынке. Он умел ходить за скотиной. Купить его уже никто не купит, а если убьют, то туда и дорога. А выживет, так ему, бею, только выгода. У поляка была прибавка, и хорошая. Стада росли, и нужен был второй человек. Вот бей и решил одной «стрелой» два вопроса.

Всю дорогу Санд пытался заговорить с охраной, но из этого ничего не получалось. Видать, крепкий получили приказ, чтобы молчать. Молчал и Халил. А из головы не выходило: «Что же случилось?» И вдруг Санд понял: «Меня заманили в ловушку! И это дело рук Наима! Теперь понятна его улыбка. И бей хорош! Поверил, что я беглец. Меня не спросил. Хотя, кто я? Раб! Раб! Кто же выдал? Знала только Арзу. Неужели она? Зачем? Что ей от меня надо? Нет и нет. Не верю! У нее такие глаза! Они не обманывали».

Подъехавших встретил свирепый лай собак. Огромные псы готовы были порвать и коней, и их всадников. Только окрик Яна – так звали скотовода – остановил собак, и они, урча, удалились прочь. Перед отъездом стражники оставили Санду кое-что из оружия: саблю, нож, лук со стрелами, копье. Стадо представляло интерес, и его надо было защищать. Перед расставанием Халил объехал стада. Подъехав к Яну, он поощрительно улыбнулся:

– Бей будет доволен твоей работой, – сказал он и хлестнул своего коня.

Когда Хасан с Халилом скрылись из виду, Ян подошел к Санду.

– Русский?

Тот утвердительно кивнул.

– Бежать не хочешь? – почему-то спросил он.

Вместо ответа Санд оголил спину.

– А, все понятно, – и усмехнулся, поднимая свою рубашку.

На его спине тоже были похожие отметины.

– На родину тянет? – продолжал он допрос.

Санд неопределенно пожал плечами. Ян опять усмехнулся.

– Иди, выбирай барана и тащи сюда. Надо отметить прибытие. Да и дорогой-то не очень они тебя жаловали. Знаю я их.

Санд схватил первое попавшееся животное, взвалил к себе на плечи и, подойдя к Яну, положил его перед ним.

– Резал? – спросил он.

– Доводилось.

– Тогда давай.

Он помог Санду снять шкуру с животного и стал резать его на куски.

– Собери дрова и разводи костер.

Почувяв кровь, прибежали несколько собак. Они покорно сели полукругом, дожидаясь своей доли. Мясо на углях Ян, судя по золотистой корочке, сделал превосходно. Но не торопился его есть, а подмигнул и удалился в шалаш. Вскоре принес оттуда кожаный мешок с какой-то жидкостью.

– Турки научили меня делать вино из кобыльего молока. Мне оно нравится.

Он поставил два кубка и налил в них жидкость. Подняв свой кубок, сказал:

– Я уже стар и для себя желаю только одного – покоя. Поэтому я здесь, забытый небом и беem. Но тебе, молодому, желаю, чтобы небо проявило милость, сделало тебя счастливым, удачливым человеком. В бою – непобедимым, для власти – угодным, для врага – грозным.

Напиток оказался приятным. Он напоминал Санду сыворотку, которой мать поила его, когда было жарко. Холодная, с погребя, она хорошо утоляла жажду.

Работы, как оказалось, было много. Ян был хорошим хозяином, многое умел. Доил овец, делал из молока сыр, выделывал кожи. Шил из них одежду. Так протекали и дни Санда. Правда, он успевал и поохотиться. Места были дикие, всего хватало. Пришлось дважды схватиться с волком, но вышел победителем. Бросая шкуры в яму для закваски, Ян не то пошутил, не то сказал то, о чем думал:

– Набьешь этого добра, нашьем шуб. Съездишь в Брусу, продашь. Скопим деньгу, тебя выкупим, и поедешь домой, на родину.

– Не тереби душу, Ян. Как я могу вернуться без Настеньки?

Ян, накрывая яму шкурами, повернул голову и, хитро прищутив глаз, хохотнул:

– Найдется другая Настенька.

– Другой... не надо, – Санд вдруг рванул с места, вскочил на коня и был таков.

– Растеребил я его рану, – вздохнул Ян, направляясь к шалашу, чтобы взять бадейку.

Наступало время дойки кобыл.

Санд прискакал на полюбившийся ему холм, который напоминал родные места. Это была круть над излучиной реки. Напрасно она грызла утес. Не по зубам он ей оказался. Только намыла омутину, в которую Санд любил нырять с головой. Холодны воды Сакарьи, так и жгут тело. Но потом хорошо! Растереть тело насухо, чувствовать, как горит оно от многочисленных игольных уколов.

На этот раз его погружение было более глубоким. И он глазам не поверил, увидев на дне чудовище, а не рыбу. Вынырнув, поплыл к берегу. Нашел крепкий сук с рогулиной. Заострил с другого конца и опять в воду. Рыбина лежала на месте. Прицелился и что есть силы вонзил в нее деревягу. Дернулась та и, ослабев, вся вытянулась. Перебил он ей хребтину. Еле выволок рыбину на берег, а дальше, хоть и здоров был, одному трудно было с ней совладать. Коня подогнал. Веревку по жабрам пропустил. Удалось поднять рыбину до половины. Так и приторочил к седлу.

Ян, как увидел это чудовище, так и схватился за голову:

– Да разве такие рыбы бывают? Что ж, мил человек, мы с ней делать будем?

– Соль есть?

– Соль-то есть, да, боюсь, не хватит.

Пока рубили рыбу, Ян все удивлялся:

– Как ты с ней справился? Сколько живу, таких чудовищ не видел.

Однажды их ритм жизни нарушил ночной лай и визг собак. Ян сразу понял, в чем дело.

– Беда! Угонят наше стадо.

– Не дадим, – Санд схватил саблю и бросился наружу.

– Ты куда? Вернись! – закричал ему вдогонку напарник.

Да только напрасно. Домчавшись до стада, он увидел, как несколько человек, отбиваясь от собак, стараются поднять стадо. Увлеченные своим делом, они не заметили появления пастуха. А тот, согнувшись в три погибели, лавируя меж скотиной, подскочил сзади к ближайшему угонщику и развалил его надвое. Тот не успел даже крикнуть. Такая же участь постигла второго. Третий заметил, но было поздно. И он последовал за ними. Силы похитителей убавились наполовину. Один из них, увидев Санда, бросился на него. Но, споткнувшись на ноге лежавшего барана, носом запахал по земле. Справиться с ним было просто. А те двое, увидев, что к нападавшему на них пастуху бежит подкрепление, бросились наутек. Один из них далеко не ушел. Догнавший его Санд прыгнул ему на спину и повалил наземь. Подбежавший Ян помог ему скрутить похитителя.

– Ах ты, разбойник, – закипятился Ян, когда тот стал дергаться, – да я тебе голову отрублю! – он замахнулся саблей.

– Не надо! – Санд перехватил его руку.

– Скажи ему спасибо, – пряча в ножны оружие, проговорил Ян, – а то я бы быстро...

– Что мы с ним будем делать? – Санд показал на пленника, когда они пришли на место.

– Пусть полежит до утра, а там разберемся.

– Последнего будем ловить? – спросил Санд.

– На кой он нам нужен. И этих хватит. Здорово мы с ними расправились, – продолжал Ян, готовя ложе ко сну.

Он достал из-за кутка старую шубу, пояснив:

– Ногам становится холодно. Тебе дать? – он потряс шубейкой.

– Нет, мне не надо. А ему надо дать. Человек все же.

Ян забурчал:

– Человек, человек! Да какой он человек...

– Не ворчи, Ян, – перебил Санд, – дай какой-нибудь зипун.

– Держи, – и бросил какую-то ветошь.

Пленник лежал скрюченный, дрожа от холода. Санд набросил на него одежонку и, вернувшись в шалаш, лег на свое место.

Утром долго решали, что с ним делать. И решили оставить. Если отпускать, надо давать коня, кое-какое оружие. Иначе дорогой пропадет. Зверья разного сколько шатается. Его развязали. Санд неожиданно сказал:

– Хочешь уйти, уходи.

Ян удивленно посмотрел на него. Пленник подумал и решил остаться. Тогда Ян дал ему заступ и велел, чтобы тот похоронил своих приятелей. Адыра, так звали пленника, долго не было. Ян и Санд даже стали думать, что он сбежал. Но тот вернулся поздно вечером с заступом на плече.

Он решил остаться, охотно выполнял все поручения. Его появление дало Санду возможность отсутствовать днями. Он набил гору лисиц, несколько волков уже были на примете. Дважды попадался благородный олень. Но в него Санд стрелять не стал. Уж больно красив. А для мяса и другие звери найдутся.

В этот день, увидев, что Санд опять засобирался, Ян заныл:

– Опять что-нибудь принесешь. А у меня яма забита. Да отдохни ты. Сколько тебя не видели.

Санд нехотя откликнулся на его нытье, но долго без дела просидеть не мог и предложил:

– Давайте из лука постреляем. Кто хуже всех стрельнет, тот барана разделывать будет.

– Давай, – заерепенился Ян.

Адыр, еще окончательно не оправившийся от пленения, неопределенно пожимал плечами, когда услышал это предложение. Они его уже признали своим. Он им рассказал, что направил их младший сын Эртогрула, Осман.

– Это какой-то бесенок, а не человек, – говорил Адыр, – то ли дело его старший брат Алладин, само спокойствие. Мягкий, добрый человек.

– У беев не могут быть мягкие, добрые дети, – заметил Ян, набивая колчан стрелами.

Они повдоль сложили заячью шкурку, прикрепили ее к колу. Отсчитав пятьдесят шагов, Ян протянул лук и стрелу Санду. Юноша тщательно прицелился, тетива щелкнула, засвистела стрела. Она попала в лопатку, как раз против заячьего сердца. Адыр защелкал языком, а Ян, точно это был его выстрел, издал торжественный крик. Вторым был Ян. Он долго целился. Потом опустил лук.

– Ветер изменился, – пояснил он, хотя этого никто не заметил.

Вторично не стал стрелять, помешала собака. Наверное, хотела попросить кость.

– На, – протянул он лук Адыру, – я за тобой.

Адыр попал прямо в хвостик, чем вызвал у всех дружный смех.

Стрелу Яна так и не нашли.

– Еще по разу, – объявил он, подавая лук Санду.

Только тот встал в стойку, как вдруг пес сорвался с места и ринулся с лаем прочь. Они переглянулись. На лице Яна был написан испуг.

– Твои, наверное, – каким-то жалобным голосом произнес он, глядя на Адыра. – О, Господи, что нам будет, – запричитал Ян.

– Я с вами! – выпалил Адыр, – меня все равно убьют!

Они похватали луки и спрятались за шалаш.

Вскоре появились два всадника. Санд узнал их. На его удивление, это были Адил и Арзу. Пастухи вышли из укрытия и пошли им навстречу. Отогнав псов, Санд помог Арзу спрыгнуть с лошади. А Адил оказался неплохим наездником. Он умело спрыгнул с коня и бросил поводья Яну. Затем обнял и по-русски трижды расцеловался с Сандом, потерся щекой с Яном, а незнакомцу кивнул головой.

Ян тотчас рассказал ему о третьем члене их компании и, не жалея красок, описал подвиг Санда. Как на юношу в это время смотрела Арзу! Наверное, он ей казался каким-то божеством. Рад, очень рад был за него и Адил.

«Стол» накрывали прямо на земле. У хозяйственного Яна оказался в наличии плат из бранной ткани. Угощение нехитрое, обычное: баранина на углях, запеченный в золе заяц, засоленная рыба, монгольская вода (конское забродившее молоко, которое называют кумысом). Зато гости потчевали их финиками, апельсинами, виноградом и щербетом.

Разговор вел в основном Ян. Адил все это время не спускал глаз с Санда. Когда Ян сделал паузу, Адил спросил жестикующей рук, продолжая глядеть на Санда:

– Скажи, кто твои родители?

Невольным переводчиком опять выступил Ян. Санд неожиданно усмехнулся.

– Родители... – произнес он со вздохом, – если бы я знал.

– Что тебе известно?

– Я знаю... – в задумчивости произнес он и начал рассказывать свою историю. – В детстве я спас дочь нашего боярина, – он повернулся к Арзу, – это как ваш отец, – пояснил он и продолжил, – а под вечер, когда я пришел к своему дому, увидел полный двор гостей. То были люди боярина. Не знаю отчего, но я испугался и спрятался в кустах под окном. И слышал, что боярин стал расспрашивать моего отца про меня. И тот вдруг признался, что не они мои родители. Они нашли меня около убитой татарами матери, услышав мой плач. Они сохранили даже мои пеленки. Отец поведал, что мать моя была очень красива, – сказал, а сам засмутился. – Сохранился от нее еще... – он поднял рубаху, оголяя грудь.

Там все увидели небольшой золотой крестик, на котором было вчервлено тело Христа.

Адил вдруг побледнел и протянул за ним руку. Санду пришлось его снять. Адил схватил крестик и стал тщательно рассматривать. На его левой стороне была едва заметная ссадинка. Он ее узнал. И вдруг бросился к Санду, стал его целовать. И даже выговорил слово: «Моой!»

Когда он успокоился, то с помощью Яна и Арзу поведал свою историю, историю сестры и воеводы. Рассказал и об Аскольде, сыне воеводы, как тот стал мужем Всеславны. Все слушали, затаив дыхание. Вернее, Яна, который все это пересказывал. Арзу не стыдилось своих слез. Да и глаза мужчин были влажны от услышанного.

Адил замолчал, каждый по-своему переваривал услышанное. Ян вдруг точно окаменел. Потом повернулся к Адилу и спросил:

– Подожди, как звали отца Санда?

– Аскольд.

– Аскольд, Аскольд, – вразяжку произнес поляк, что-то припоминая. – А... вспомнил! – и начал рассказывать: – Это было давно. Я еще жил на родине и был человеком Мазовецкого. Этот князь отдал немцам, тевтонам, один из своих замков. До них мы жили хорошо. Но когда они появились... да ладно. Как-то в лесу я собирал дрова. Слышу радостные голоса. Я оставил вязанку и решил посмотреть, что за люди. Прячась за деревья, я вышел на кромку леса и вижу... Господи... Тевтонцы рубили тех, кто радостно их приветствовал. И тут я услышал, как кто-то крикнул: «Аскольд, беги!» Я увидел, как какой-то воин, не тевтон, пробился среди их многочисленных рядов. Путь для него в лес был свободен. Там было спасение. Но, увидев, что гибнут его друзья, он повернул коня назад. Я не знал Аскольда, только слышал его имя. Но я понял, что это был он и своих друзей не бросил. Сеча была ужасная. Много погубило тевтонцев. Но силы были не равны, и эти ребята все погибли. Мне стало так плохо, что силы оставили меня. Как же так? Они думали, что их встречают друзья, а оказалось... Господи! Но это не все. Вязанку я потерял. Пока искал, услышал новые голоса. Я вернулся на свое место и увидел какого-то воя и женщину с ребенком на руках. Отец ребенка был еще жив. Звали его... Аскольд. Это я хорошо слышал. Так называла его жена. Она еще произнесла имя, какое прошептал его отец. Я расслышал: Андрей! Наверное, тот так назвал своего сына.

Андрей сидел ни жив ни мертв. Такое слышать! Не лучше выглядел и Василий, князь козельский с такой печальной судьбой. Молчание нарушил Ян.

– Да... интересная встреча! – произнес он, покачивая головой.

– Что... дальше? – глухо спросил Андрей.

– Дальше, – Ян тяжело вздохнул, – мы отнесли тела русских глубоко в лес и там похоронили. Потом расстались. Они торопились поскорее оставить эти места.

Он повернулся к Василию:

– Князь, – назвал он его. За столько лет Василий впервые услышал это слово, – почему ты так пристально разглядывал Андрея?

– Он вылитый дед Андрей Сеча, славный козельский воевода.

– Вот так да! – Ян ударил себя по ляшкам. – Я тогда столько наслышался о Козельске. Это был город, который первый дал отпор татарам! Да так дал, что об этом знали даже в глухих европейских селениях. Позволь мне, Андрей, вспоминая прах твоего знаменитого деда, поклониться тебе в ноги, чтобы он знал, что его слава не умрет в веках.

Он упал на колени и низко поклонился.

– Санд, что он тебе сказал? – подала голос Арзу.

Андрей, поднимая Яна, повернулся к ней:

– Говорит, хороший у меня был дед, – и рассмеялся.

– И я скажу, хороший! – поддержала и Арзу.

– Я думаю, – Андрей подошел к Арзу, – там было много хороших людей.

– Да, ты прав, – отряхивая колени, заговорил Ян, – взять князя, сколько тебе было тогда?

– Тринадцать.

– А какую отметину они оставили на тебе! Как ты сюда попал?

Князь поднялся, разминая затекшие ноги. Походил какое-то время взад вперед, потом сел. На него все смотрели, и он понял, что ждут рассказа. И опять при помощи Яна и Арзу Адил поведал:

– Мы долго держались. Ждали помощи. Посылали лазутчиков. Многие погибли. Аскольд дошел, но черниговский князь отказал в поддержке. Он боялся, что Батый пойдет на него.

Ян вскочил:

– Вот так всегда у нас: одного бьют, все смотрят. Начинают бить второго – тоже смотрят, – он говорил быстро, нервно, брызгая слюной. – Одни не заступаются, потому что, когда его били, никто не вступился. Другие думают: не полезу, и меня не тронут. Не проходит, – Ян виновато посмотрел на князя. – Прости, князь, душа не терпит.

– Я понимаю, – князь откашлялся, посмотрел на закат.

Солнце стало прятаться за далекие зубцы гор. Они приобрели какое-то фантастическое очертание неведомой крепости, напоминая о далеких боевых днях.

– Так вот, – продолжил он, – воевода понимал, что нам не устоять. И решил во что бы то ни стало спасти хотя бы часть детей. Ибо знал, что вражина никого не оставит в живых. И это ему удалось. Были сделаны несколько ладей. Жиздра тогда разлилась и стала для татар недоступна. Собрав все силы в кулак, воевода открыл ворота и отбросил татар. Проход к реке был свободен. Мы все успели добежать до воды. Одним словом, были спасены. Но нас стали преследовать старые наши враги – соседи, половцы. Аскольд хотел спасти меня и дал одного воина, а сам с другими воинами остался, чтобы задержать врага. Мы с ним бежали, но нас догнали. Воин погиб, а я вот... – он вздохнул.

Все поняли, что как ему тяжело вспоминать то время. Ян постарался как-то это сгладить:

– Ладно, князь, главное, жив остался. Многим ведь было и не суждено...

– Я понимаю. За мной гнался один половец, я сумел его ранить. Но он...

И все поняли, что тот сделал.

– Я потерял сознание. Спасла... собака. У меня не было сил идти. Она меня нашла, и я стал сосать ее молоко. Это дало мне силы. Потом она привела хозяина. Хорошие были люди. Но... опять татарский набег. Дальше, как обычно. И я молю Господа, что попал к Умурбеку. Зная теперь других ему подобных, скажу, что он хороший человек. И Арзу в него, – он посмотрел на нее и по-отечески улыбнулся здоровой частью лица. – Да, Андрей, ты ей обязан жизнью. Бек за самовольный отъезд решил поступить с тобой по обычаю своих предков. Тебя должен был судить кадий. Я разговаривал с ним. Он был в затруднении, как казнить тебя: отрубить голову, утопить или разорвать лошадьми.

– Это... правда? – лицо Андрея изменилось.

– Я не шучу.

По его глазам можно было понять, что он говорит правду. Андрей вскочил и подошел к Арзу. Какими глазами она смотрела на него! В них было все: и счастье, что она сумела спасти его, и страсть горячих южных женщин, и радость видеть его. Юность же Андрея еще не позволяла глубоко читать сокровенные тайны по глазам. Но он сердцем чувствовал ее доброту и рано созревшее в ней материнское чувство как-то оградить, сберечь его. Он был ей очень благодарен. И она уловила это в теплоте его голоса, когда он благодарил ее за совершенный, весьма смелый для этих краев поступок.

И в ней родился какой-то позыв, подавить который она была не в силах. Она робко взяла его руку и, не отрывая от него глаз, тихо сказала:

– Смотри, какой красивый закат. Побежим, догоним солнце!

И он послушно последовал за ней. Догнали ли они солнце, это было их тайной. Возвратились они усталые, но каким счастьем светились их глаза!

С рассветом все были на ногах. Гостям предстоял долгий путь назад. Подтягивая подпругу Адилового коня, Ян не удержался и спросил у него:

– Как вы попали к нам?

Тот рассмеялся.

– Да по дороге на Кютахья решили свернуть, завезти вам кое-чего вкусенького.

– Ага, ясно, – Ян хлопнул коня по крупу. – Готов.

Санд провожал их до тех пор, пока они не запротестовали.

– Поворачивай назад, тут близко, – сказала Арзу.

Поняв, что сопротивляться бесполезно, Санд был вынужден остановить коня. Рядом с ним оказался Адил. Усмирив танцевавшую лошадь, он спросил:

– О родине-то думаешь?

Санд тяжело вздохнул. По нему было все ясно.

– А ты? – в свою очередь задал вопрос Санд.

– Мой маленький Козельск занимает в моем сердце самое большое место!

Его жестикуляцию Санд понял уже без переводчицы. Затем Адил дружески ударил его по плечу:

– Бывай, – и пришпорил коня.

Санд долго держал теплые, легко дрожавшие, нежные руки Арзу. Потом она осторожно освободила их из его плена, сверкнула глазами и взмахнула плетью. Лошадь шарахнулась и понесла. Но она оглянулась, и видно было, как на ее глазах блеснули слезы.

Глава 12

Их встреча могла бы и не состояться. Хотя готовилась она пятьдесят лет тому назад. Это тогда далеко на Востоке вдруг разверзлась земля, выпуская из своего нутра злого дракона. Им оказалось многочисленное войско Чингисхана. Восток – это большой котел, из которого при варке порой вырываются пары в виде племен. Они, двигаясь в западном направлении, систематически расселялись по земле.

И на заре нашего летоисчисления неведомые восточные племена создали в низовьях Приаралья свое государство. У них сложился тюркский язык. Это племя навязало его своим соседям. Для своей защиты они создали Каганат, но он просуществовал недолго. На его развалинах появилось новое государство – Огузское, союз племен, центр которого находился в городе Янгикенте в низовьях Сыр-Дарьи. Одно из ведущих мест в этом государстве играли князья из племени кайы. В то время это государство достигло больших размеров, добравшись до Хозарских владений. А через них они установили торговые отношения с Русью, где их называли торками. Но, вступив в борьбу с Хорезмским государством, огузы проиграли и вынуждены были во главе с вождями сельджукских племен двинуться на запад. Родилось государство сельджукидов, границы которого вышли к Византии.

Молодое, набиравшее силу государство не могло не скрестить сабли со стареющей, но не забывшей дни своей былой славы Византией. У стен крепости Манцикерт произошла битва, где молодость победила дряхлость. Ворота в Малую Азию для сельджуков были открыты.

Но радоваться победе им пришлось недолго. Восток вновь объяло кровавое зарево. Несметные полчища Чингисхана, вторгнувшиеся в пределы Средней Азии, возвестили сельджукам о грозной опасности. И хотя она на сей раз их миновала, но по прошествии двадцати лет угроза стала явью. Молодой монгольский хан Байджу стал стремительно приближаться к их границам.

Конийский султан спешно стал готовиться к отражению его наступления. И вот с рассветом грянула битва при Кеседаге, где сражался и бей Эртогрул.

Как отчаянно ни бились багатуры во главе с молодым беем, но Байджу разгромил сельджукскую армию. Конийский султан был приговорен. Вырвавшийся из хищных лап врага, израненный бей прискакал в свой стан. По его команде пятьсот шатров племени враз снялись и спешно с многочисленными стадами двинулись на запад. Три дня и три ночи, не останавливаясь ни на одно мгновение, бросая жеребят, верблюжат, телят, шло племя, гонимое мыслью о страшном враге. Только на четвертый день люди получили короткий привал, и опять вой труб возвестил о продолжении их бегства. Так оказались они в районе Сегюта и Доманиго. Впереди была Византия или ее провинция Вифинция. Вскоре за храбрость и отвагу бей Эртогрул получил от султана удж на владение этими землями.

Не все окружавшие его пошалыки были довольны новым соседом. Бей Узун-Хасан, Умур-бей, Исхак Иае спали и видели получение этих земель. Но сам Эртогрул не был доволен полученными землями. Пятьсот шатров с их многочисленными стадами трудно уживались в границах этого бейлика. Положение стало усугубляться от того, что соседи все чаще и чаще наведывались в его земли. Пока дело ограничивалось только угоном части его табунов. Бей решил усилить охрану. Но это не помогло. В один из таких налетов произошло настоящее сражение. Люди Эртогрула вынуждены были отступить. Но им удалось захватить в плен одного из налетчиков. Это был человек Умур-бея.

Эртогрул решил обратиться к верховному кадию и для этого поехал в Конью. О, Аллах! Что он там увидел! Сельджукское султанатство билось в предсмертных судорогах. Кадий отказался разбирать его дело, сказав, что любой его фирман никто не будет выполнять. Сул-

тан метался в истерике, думая, какие шаги предпринять. Любой его шаг оценивался монголами как противозаконный, и они грозили послать к нему своего баскака.

Эртогрул вернулся назад в расстроенных чувствах. А дома его потрясло еще одно событие: пока он ездил искать управу на нарушителей, они угнали его стадо. И он почувствовал себя таким одиноким и незащищенным человеком, которому не на кого положиться, не от кого ждать поддержки. Старший его сын, надежда и опора отца, на деле оказался малодушным и даже трусливым человеком. Отец, отъезжая, наказывал ему в случае нового нападения дать захватчикам достойный отпор. Но, как оказалось, тот просто трясся от страха, отсиживаясь в шатре.

Но нет худа без добра. Совсем уже отчаявшегося отца вдруг порадовал младший сын. Он явился к нему в полном вооружении. На голове – шлем, на боку – сабля, за спиной – лук, в руках – ятаган.

– Отец, я отобью наши стада, – лицо его пылало решимостью, глаза сверкали боевым настроем, – дай мне воинов.

Какое тепло согрело отцовскую душу: «Есть надежда! Вот она, в этом юноше, почти мальчике!»

– Не горячись, Осман, любое решение надо хорошо обдумать. Но я дам тебе воев. Куда пойдешь ты? Где те злые люди, которые похитили наше добро? Как они тебя встретят? А вдруг приготовят ловушку? Нет, сын мой, так серьезные дела не делаются. Давай разберемся, и я дам тебе воинов. Будем защищаться сами, коль султан бросил нас на произвол судьбы.

Осман советом отца не пренебрег. Теперь в его шатре часто можно было видеть сотских отца, с которыми он обсуждал предстоящий набег. Когда надо было, он посылал разведчиков.

Первым его мощный укус почувствовал Умур-бей. Пастухи потом рассказали, что командовал нападавшими еще совсем юный воин. Умур-бей захотел узнать, кто был этот отчаянный смельчак. Так он впервые услышал его имя: Осман. Осман-бек.

В свое время Узун-Хасан больно расхвастался, какой успешный набег он совершил на племя кахьянцев. А теперь и он стал проливать слезы по угнанным стадам. У всех этих беев появился один общий обидчик. До ушей Эртогрула докатилась весть, что эти вожди делают попытку объединиться против общего врага. Но бей хорошо знал, что любой подобный союз недолговечен. Стоит любому из них увидеть блеск золота, как загорались глаза, но стиралась память.

Эртогрул оказался прав: союза не получилось. Но борьба продолжалась. И в этой борьбе немалую роль стал играть Осман. Особенно он допек Умур-бея. Умур понимал, что в одиночку ему с Эртогрулом не справиться. Но он знал и другое, что его младший сын организует все эти набеги. И у него созрела мысль лишить Эртогрула его опоры. Не будет Османа, племя Кайя рассыпится само. Старший сын не пригоден вершить дела.

С этой целью он пригласил к себе Саида, одного из его аянов. Этот человек был известен тем, что знавал многих купцов, сам вел с ними какие-то дела. Умур-бей посвятил его в свою задумку. Саид был солидный человек с длинной худосочной бородой. Он долго ее гладил, глядя то в пол, то в потолок, вероятно, просил помощи у Аллаха, а потом согласился. Но запросил у бея десять тысяч акче.

Теперь задумался бей: деньги были немалые. Саид, видя нерешительность бея, усмехнулся:

– Деньги не для меня, а тому, кто придет с вестью.

Бей скосил глаза на Саида и дал согласие. Тот, услышав это, ругнул себя: «Мало запросил. А сейчас придется тащиться в Конью, не ближний свет!»

А тот, против кого затевался заговор, ничего не подозревая об этом, продолжал вести прежний образ жизни. Юный Осман с бившей через край энергией не мог усидеть на одном

месте. Ему обязательно надо было чем-то заниматься. Любил он, догнав волка, на всем скаку вонзить в его спину копьё. Большое удовольствие приносила ему стрельба из лука. Особенно он любил стрелять по движущимся целям: по бегущему зайцу или летящей крякве. Отлично, для своих лет, владел и саблей. И встреча с одиноким воином его не пугала. Судьба хранила его, оберегала от каких-либо экстремальных случаев. Поэтому его сердце было пока свободно от страха.

Как-то краем уха он услышал, что настоящее мужество проявляет тот, кто не побоится охотиться на каракала. Это опасный зверь, он легко справляется с джейраном, хитер и коварен. И не один смельчак погиб от его острых зубов и когтей. У юноши загорелись глаза: он должен взять каракала! Надо было узнать, где он водится. А чтобы никто ни в чем не мог его заподозрить, он решил ехать один. Длительные расспросы привели его к цели. Он узнал, куда надо ехать, и стал готовиться. Эти-то расспросы и навели кое-кого на определенные мысли.

В одну из ночей, когда Осман спал и видел свою охоту на зверя, приоткрылся полог одного из соседних шатров, и из него выскользнул человек. Стараясь быть незамеченным, он выбрался из поселения и, найдя заранее привязанного коня, прыгнул в седло и был таков. Знание дороги позволяло гнать лошадь. И, когда взмыленный конь мог вот-вот рухнуть, человек увидел отблеск догорающих костров. Цель была близка. Спрыгнув с лошади, он бросил ее на произвол судьбы, а сам заспешил в селение. По тому, как он озирался, стараясь держаться шатровой тени, было нетрудно догадаться, что этот человек не хотел с кем-нибудь встретиться. Значит, на это у него были свои причины.

Пугаясь каждого шороха, он упорно продолжал путь. Видно было, что он неплохо ориентировался в этом стойбище. Наконец он остановился у одного из шатров. Но это был шатер самого Умур-бея. Дремавший страж, которого таинственный пришелец, не церемонясь, тряхнул за плечо, в испуге схватился за саблю.

– Тссс, – пришелец поставил палец к губам, – ступай, разбуди бея, скажи, что пришел... – он нагнулся к его уху и прошептал свое имя.

Страж, видать, был предупрежден, ибо встал и, кивнув, вошел в шатер.

Бей вышел с соболиной накидкой на плечах, что было особой роскошью для этих мест. На его лице засветилась улыбка. Он знал, что получит хорошую весть. И не ошибся. Пришелец, оглянувшись по сторонам, нагнулся к бею и шепнул:

– Он хочет взять каракана на горе Косулиф. Ждите его там, – опять оглянувшись, добавил, – мне пора. Я до рассвета должен быть у себя. Не забудьте про коня.

Бей кивнул головой, повернулся и вошел в шатер. Вернулся он быстро, держа в руках тяжелый кисет. Протянул его пришельцу, а стражу приказал привести гостя коня. Опущенный за пазуху кисет жег его грудь, а сердце билось в радостной истоме.

Глава 13

Внезапный приезд гостей облегчил мечущуюся душу Санда, снял с нее тяжесть недоверия и даже горечи. Сколько он прояснил вопросов: «Взять хотя бы Арзу. Ведь это я послушал ее, думая, что она хочет мне помочь. Но обернулось-то как! Беглец! Хотели приговорить к смерти! Вот так. А бей? Не разобрался, а сразу... судить. Как легко можно потерять голову! Молодец Адил. Как жестоко его наказала жизнь! Кто он мне? Дядя? Дядя – князь. А дед-то мой! Вот молодчина! Козельск – боевой город, а я о нем почти ничего не слышал. Так хочется его повидать. Побывать на том месте, где жил Андрей Сеча. И я тоже Андрей Сеча! А не придумали ли это все мои родители, чтобы поднять мне цену? А крестик, который узнал Адил? Как все сложилось! А что, если попробовать бежать? Уговорить Яна и айда! А как быть с Арзу? Ведь она спасла мне жизнь. Но она и виновата: обнадежила... Но все равно молодец! Пошла к отцу. А я-то о ней что думал: нарочно она это сделала. Арзу... Настенька... Нет, Настенька. Но жизнь моя не облегчилась. До поездки все было ясно: Настенька, моя Настенька, как она мне нужна. Я не могу ее забыть. Но я... раб. Раб. Нет, нельзя с этим мириться. Мне надо что-то делать. Меня ждут не дождутся родители. Они уже старенькие. Им надо помогать».

От таких мыслей кругом шла голова. Ян заметил, что в последнее время Санда точно подменили. Он стал задумчив, не такой жизнерадостный. У него даже пропала охота куда-нибудь мчаться на необъезженной лошади, рискуя попасть под ее копыта. Наконец Ян не выдержал. Он сел на корточки перед лежавшим с закрытыми глазами Сандом. Легко тронул за плечо.

– Спишь?

Санд открыл глаза.

– Что тебе надо?

– Не мне, Андрей, – голос у Яна какой-то особенный. Наверное, такими голосами разговаривают отцы со своими повзрослевшими сыновьями, – тебе. Что ты стал таким хмурым? А ну, поднимайся, – но, видя, что тот даже не шевельнулся, сказал: – тогда я поднимусь и оболью тебя водой. А то присохнешь к месту.

И он поднялся и пошел к бадье.

– Не надо, – Санд вскочил на ноги.

Ян вернулся.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Мне уже родины не видать, нет сил. Ты молод. У тебя еще все может случиться. Моли Бога, и он услышит твою молитву. Но Бог не любит мужика, который киснет хуже бабы. Он и создал мужика как защитника, воина. А ты во что превращаешься! Развалюха, да и только. А ну пойдем со мной, – он взял его за руку и повел к табуну.

Они поднялись на пригорок, с которого открывалась панорама местности и хорошо было видно пасшийся табун.

– Видишь справа буланого жеребца?

– Вижу.

– Птица это, а не конь. Цены ему нет! Бери его и... без кабана не возвращайся. Не худо бы новую землю поразведать. Эту скоро выбьем. Вишь, как стадо прибавляет. У бея это бы зачлось. Авось и вернет тебя. Ему ведь такие вои нужны. Ой, нужны! Говорят, ты его однажды спас.

– Да, – понуро ответил Санд, – только что толку. Когда меня хотели судить, он даже не вспомнил это.

– Эх, – Ян осуждающе покачал головой, – даю голову на отсечение, вспомнил. Да, – он замялся, – у них такой обычай... Что он сделал для тебя... моли Бога.

– Но я ведь не виноват! – упрямо произнес он.

– Виноват, не виноват, дело сделано! А сейчас – на коня и вперед. Поищи-ка новое пастбище, табун растет, трава выедается, а куда дальше гнать...

Сколько доброжелательности было в этих словах! Санд посмотрел на него какими-то новыми глазами. Видно было, что Яну удалось высечь огонек в его груди, который вспыхнул жаждой жизни. Он долго не раздумывал:

– Готовь припасы. Я – мигом.

Он схватил упряжь.

Буланый недолго ломался. Он словно ждал, когда его кто-то оседлает. Ян даже заметил:

– Небо тебе помогает.

Снаряжая Санда в дальнюю дорогу, Ян для него ничего не жалел. Отдал мягкие, подбитые шерстью сапоги, куртку. От дождей должна была спасать конская шкура. На голову – малахай.

– Надевай малахай, заворачивайся в шкуру, и не страшен тебе ни дождь, ни ветер, ни мороз, ни пурга, – он дружески толкнул его в грудь.

Быстрые сборы. И всадник уже на коне. Адыр держит конские поводья. Пляшет на месте, грызя удила, молодой жеребец. Чувствуется, сила в нем так и играет. Нож с боевым топором за поясом, сабля на поясе. За плечами лук, набит стрелами колчан. Радует Ян, что в парня вновь вошла жизнь. Нечего кручиниться!

– Ну, с Богом, – Ян бьет ладонью по конскому крупу.

Адыр отдает уздечку.

Почувствовав свободу, конь срывается с места. Санд, сдерживая его, орет во всю глотку:

– Будет бей, пусть не думает, что я в бегах.

– Ишь, как напугал парня, – ворчал Ян, махнул рукой и крикнул: – Землицу вези, все простится.

Да, глаз у Яна оказался востер. Рыжий жеребец обладал неумной силой. Он вмиг домчал Санда до его любимого привала. С жалостью в глазах оглядел он знакомое место, вспомнил беззаботные дни. Но его толкал вперед наказ Яна: найти новые места.

Заметно стала меняться природа. Он уже как-то привык к густому разнотравью речных долин, к лесистым островным местам. Но теперь все чаще проглядывал серебристый ковыль. Все больше встречались плешины без всякой растительности. Появились и резкие запахи полыни. Менялся животный мир. Который раз он напарывался на стада животных, которые были больше зайца, но меньше косули. У них маленькие копытца. Сколько раз он видел важного, как боярин, байбака. Много бегало полосатых птиц, напоминающих гуся, только с длинными ногами.

– Да, в этих местах скот не поддержишь, – был первый его вывод. – Вряд ли сюда пойдет бей.

Наконец ему на пути встретилось лесистое место. Это была ореховая роща. Ветви гнулись от урожая, и Санд решил остановиться и заночевать. Наступал вечер. И тут он услышал чье-то жалобное повизгивание. Спутав коня, он пошел на этот звук. Раздвинув кусты, он увидел крупного щенка. У него была перебита передняя лапа. В детстве Санда научили лечить подобные травмы. Ему стало жалко щенка. Он даже сравнил его с собой. Он был таким же одиноким.

Срезав ветку, он выстругал несколько палочек. Отрезал от рубахи кусочек материи, сложил поломанную ножку, окружил этими палочками и крепко обмотал. Когда Санд делал эту процедуру, щенок визжал и даже пытался его укусить, но когда лечение было закончено, в благодарность лизнул руку. Ужиная, Санд поделился с ним едой. А когда улегся спать, щенок привалился к его боку.

Осень давала о себе знать. Ночи были холодные, и снаряжение, данное Яном, очень пригодилось. Утром, уже сидя на лошади, Санд увидел, что щенок сидел, расставив передние лапы, и не сводил глаз со своего спасителя. Его взгляд так и говорил: «Не бросай меня. Возьми с собой!» Санду стало жалко собачонку. Пришлось спрыгнуть с коня. Он засунул щенка себе за пазуху. Немного странно повел себя Рыжий. Как-то тревожно заржал. Но... снова ветер засвистел в ушах. Санд долго скакал, проверяя коня на выносливость. И, похоже, что первым скачки не выдержал всадник.

Им путь преградил сосновый лес. Только деревья были какие-то странные. Стволы невысокие, но такие кряжистые, иглы длиннющие. А запах чудесен! Тут-то и решил Санд сделать себе новый привал. Оказавшись на земле, достал Найденыша, так про себя он назвал щенка. Конь почему-то опять заржал. Санд спутал ему ноги и отогнал на пастбище. Сам взял лук со стрелами и пошел вдоль кромки леса. Вдруг из-под ног вылетел глухарь, да далеко не улетел. Больше охотиться не потребовалось. Когда вернулся, увидел забавную картину. Бурый медведь рвался к мешку с припасами, и щенок смело нападал на него на трех лапах. Тому, видать, хотелось поиграть, и он то наскакивал на смельчака, то отскакивал назад. Это до слез рассмешило Санда. На его крик медведь резво обернулся и стрелой устремился в лесные дебри. Санд взял щенка на руки и стал гладить. Тому было приятно, и он ловил его руки, чтобы в благодарность лизнуть языком. Когда Санд пошел за конем, щенок заковылял за ним.

Он нашел Рыжего на берегу небольшого озерка с чистой, холодной водой. Окаймляла его неширокая полоса зеленой, сочной травы. И опять Рыжий, как только чувствовал щенка, вел себя тревожно. Санд не мог понять, почему.

Но на такой траве стадо не продержишь. Еще несколько дней пути показали, что бея порадовать он не сможет. К тому же погода испортилась и какой день шел назойливый мелкий дождик. И Санд решил, что завтра повернет назад. Но эта ночь впервые за столько дней оказалась беспокойной. А начиналась она как обычно. Санд натаскал сухого валежника и подбросил его в костер, чтобы тот горел до утра. Не успел он лечь, как вдруг услышал тревожное ржание Рыжего и топот его копыт.

– Волки! – ударило в голову Санда.

Вооружившись топором и толстым пылающим суком, он побежал к нему на выручку. И вовремя. Волки уже стали наедать на него со всех сторон. Но огонь быстро заставил их ретироваться. Больше у Рыжего не возникало желания уходить от хозяина. Да и Санду уже было не до сна, хотя оставшаяся часть ночи прошла спокойно.

Юноша ехал неторопливо, коня не гнал. Да и тот, видать, за столько дней приустал и больше не рвался вперед, как прежде. Между тем погода менялась. Куда-то уплыли тучи, вновь засияло солнце. Бессонная ночь оказывала свое действие. К обеду сон валил Санда, и он решил остановиться. Выбрав место повыше, отсыпал из запаса в мешочек овса и надел его на голову Рыжего, а сам растянулся на подстилке.

И приснился ему сон, будто он и Адил что-то собирались делать. Как вдруг тот поймал коня и задумал от него ускакать. Санду так не хотелось его отпускать что он... проснулся. И услышал конский топот. Он привстал на колени и увидел странную картину. Какого-то всадника, явно юношу, преследовали несколько человек. Сначала даже показалось, что это скачки, что-то вроде состязания. Но когда он присмотрелся, то понял, что юноша пытался уйти от преследователей, отстреливался. Ясно, что ему грозит смертельная опасность. К тому же группа разделилась, и одна половина явно хотела перерезать ему путь. Так не состязаются. Это уже не по совести. Столько мужиков на одного парня. Что делать? Голос разума диктовал: нечего соваться! У них такой перевес сил. И парню не поможешь, да и сам вряд ли живым останешься!

Глава 14

Утром, после ночной встречи с таинственным посетителем, Умур-бей вызвал к себе миролена и рассказал о ночном свидании.

– Мой повелитель, позволь напомнить, что ты поставил условия Узун-Хасану, по которым освободишь его сыновей. Почему он их не выполняет?

Бей даже вскочил. Зло сверкнули его глаза.

– Сколько можно ждать? Эта лживая собака кормит меня обещаниями. Но не сделал ни одного шага для выполнения.

– Прости, – Наим склонил голову и прижал правую руку к груди.

– А ты, – бей пронзительно посмотрел на Наима, – боишься этого уруса?

– Я? Бей, – воспламенился Наим, – раз так, я возьму сотню нукеров, и мы перетрясем всю ту землю, но схватим этого разбойника. И я в мешке притащу его к твоим ногам, мой бей!

Умур усмехнулся:

– Мне шума не надо. Возьмешь сотню человек, – бей недобро посмотрел на Наима. – А ты знаешь, сколько у него сабель?

– Много! – хмуро ответил Наим.

– То-то! А ты – сотню на молокососа! Нет, Наим, – бей неслышно прошелся по ворсистому ковру, подойдя к блюду с фруктами, оторвал несколько виноградин и по одной стал бросать в рот, выплевывая косточки, потом продолжил, – возьмешь шесть, семь человек, самых преданных. Ничего им не говори. Вернее, скажи, чтобы хорошо вооружились и взяли побольше продовольствия. Там костры не жечь, прятаться, как мышам в норках, и ждать его приезда. Когда увидите, сразу не нападайте. Вдруг отец пошлет тайно охрану. Ты, Наим, понял? Если что нарушишь, поплатишься головой. Сюда его привозить не надо. Всякое бывает, вдруг сбежит. Или кто увидит... Там, на месте, когда прикончите, привяжешь камень и утопите в самом глубоком озере. Если с ним вдруг кто окажется, и его... тоже. В живых никого не оставлять!

* * *

Вынашивая свое намерение, Осман не хотел посвящать в него отца. Он жаждал того момента, когда с гордостью развернет шкуру каракала. И с вызовом бросит ее к ногам отца. Пусть видит, что его сын уже не ребенок, а отважный, смелый воин, и ему можно доверять взрослые дела. Чтобы никто не помешал, он тайно подготовил свою поездку. В назначенную им для себя ночь он не сомкнул глаз. Еще до рассвета выскользнул из шатра и со всех ног бросился в ближайшую рощу, где ждали его оседланные кони и необходимые припасы. Собаки, привычно полаяв, быстро успокоились, узнав своего. Утром, когда вся семья собралась, чтобы отведать пищи, Османа не оказалось. Напрасны были его поиски.

Хотя Осман и молчал, но до ушей бея докатились расспросы сына о местах, где водится рысь. И Этрогул догадался, куда мог уйти сын. Но посылать вдогонку людей не стал. Он только сложил ладони, поднял кверху глаза и прошептал: «На все воля Аллаха!»

Как и сказал бей, Наим взял с собой семь человек, и они глубокой ночью покинули стойбище. Ничего не говоря, Наим вел их целые сутки. Только потом объяснил цель этой поездки. Он плохо знал дальше дорогу и поручил вести их Халилу, знатоку этих мест.

Когда тот сообщил, что цель близка, Наим приказал всем спешиться и дальше идти пешком, тщательно оглядывая местность, оставив одного сипаха караулить лошадей.

Да, чтобы пуститься в такую даль и глушь одному, надо было иметь твердую волю, крепость духа и уверенность в себе. Не многие взрослые могли думать о таком поступке. Чтобы не заблудиться, Осман научился определять путь по солнцу, звездам. Для этого были опрошены десятки пастухов.

И вот он уже мчится во мгле, горя одним желанием: скорее достичь заветного места. Забыв про сон, он достигает подножия горы Косулиф. Даже неопытный взгляд, и тот бы сказал, что охотиться здесь весьма трудно и опасно. Словно нарочно, чья-то могучая рука разбросала огромные глыбы. Где, за какой таится зверь, одному Аллаху ведомо. Да поможет он смельчаку.

По совету старых опытных охотников он прихватил с собой пару курочек. Для приманки. Привязав к каждой по длинной бечевке, он стал ждать, притаившись за одним из валунов. Куры подергались, подергались, да и успокоились.

Бессонная дорога сделала свое черное дело. И осенью бывают дни, когда солнце светит по-летнему. И сегодня оно оказалось таким. Разморило оно паренька. Как ни старался он уберечь себя ото сна, но дрема затягивала его. Когда очнулся, небо было усыпано звездами, а бечевки уже никого не держали. Остались от бедных курочек только перья. Осман стиснул зубы. Долго охотился за толстым байбаком, но... поймал. С трудом повязав его бечевкой, выпустил зверюшку и стал ждать. Вдруг он увидел, что впереди что-то промелькнуло. Приподнявшись, чтобы лучше рассмотреть, что это могло быть, почувствовал, что на спину обрушилось что-то тяжелое. Падая, он изловчился, чтобы упасть на спину. Это спасло его. Зверюге теперь самому надо было выбираться, и он с такой силой оттолкнул Османа, что тот на несколько шагов отлетел от него. Спасла куртка из грубой воловьей шкуры, которую посоветовали надеть бывалые охотники. Хотя острые зубы зверя достали тело юноши, но обращать внимание на боль не было времени. Зверюга был рядом, мог напасть в любое мгновение. Осман вскочил на ноги и увидел два горящих глаза, уставившихся на него.

Он успел выставить вперед полусогнутую левую руку, пряча лицо от его страшных когтей. Да, они были страшны! Как они рвали толстую кожу! Но ловкий удар ножа спас Османа от более суровой расплаты. Зверюга выдернул лапу, чтобы еще раз вонзить ее в тело охотника, но не смог этого сделать. Издав предсмертный визг, он рухнул на землю.

И вдруг Осман почувствовал слабость во всем теле. Им овладело какое-то безразличие. Ноги сами опустили его на землю. Он лежал какое-то мгновение, но боль в руке заставила подняться. Он снял изорванную куртку и, засучив рванный рукав, увидел окровавленную руку и раны от острых звериных когтей. Отрезав подол рубахи, обмотал рану и принялся обдирать каракала. За этой работой боль приутихла, и он стал жалеть, что никто не видел его борьбу с этим животным.

– Ничего, – успокоил он себя, – мои раны, одежда – все будет свидетельствовать о моей борьбе, – не без гордости подумал он.

Но, как говорится, беда одна не приходит. Есть звери пострашнее. Это – люди, те, которые коварно, по-зверски, следят за своей жертвой, чтобы напасть на нее исподтишка, явно с перевесом сил. Наим с воями не усмотрели вовремя прибытия Османа. Наверное, расслабились после нескольких дней томительного ожидания. А обнаружили его прибытие случайно. Пришел оставленный при конях вой, чтобы сказать, что увидел чьего-то стреноженного коня. Наим схватился за голову:

– Проспали! Мне теперь конец!

Но успокоил Халил, сказав:

– Раз конь здесь, он за ним придет!

Наим какое-то время думал, потом радостно ударил Халила по плечу:

– Ты прав. Окружим и будем ждать!

Глава 15

Мамед Саид, потомственный египетский купец, готовил судно к отправке в далекий Константинополь. Правда, за последние годы слава этого города, из-за походов крестоносцев, стала резко убывать. А какая раньше там была благодать! Какие там были рынки, и кого только там ни встретишь! Но за последнее время урон торговле стали наносить не только крестоносцы, но и корсары. Особенно дерзок был корсар по прозвищу Грозный. Пуще огня боялся его торговый люд.

Султан оказался деловым человеком и тотчас поручил одному из эмиров, командовавшему султанским флотом, помочь купечеству. И вот Мамед Саид впервые за многие годы решился на посещение Константинополя. Для этого эмир отрядил ему два – невиданное дело! – военных судна для охраны. Это разожгло аппетит у купца, и он решился взять с собой побольше золотых и других украшений. Хитрый купец спрятал их в один из ящиков с финиками.

И вот он, сидя на берегу в тени роскошного балдахина, своими зоркими черными глазами наблюдал за погрузкой. Легкая волна покачивает корабль, затрудняя рабам погрузку. Трап уходит у них из-под ног, грозя сбросить носильщиков вместе с грузом. Для людей это была бы страшная беда. Могли за провинность засечь и до смерти. Но пока все идет нормально. Саид от удовольствия поглаживал сидящую бороду. Две девушки ублажали своего господина: одна – фруктами, другая потчевала его разными напитками.

Подошел капитан одного из кораблей сопровождения. Это уже немолодой, просоленный моряк. На такого можно положиться. Мамед усадил его рядом с собой. Девам прибавилось работы. Мамед налил ему в серебряный кубок золотистого, искрящегося вина. Оно так приятно пьется! Размягчает душу, развязывает язык.

– Мало ныне в порту кораблей, – заметил капитан, терзая виноградную кисть, – все боятся пиратов. А тебе, смотри, султан дал аж два корабля для сопровождения. Много пришлось заплатить?

Мамед качает головой:

– Нет, – говорит он, – просто султан понимает, что если мы не будем торговать, у него не будет денег.

Капитан рассмеялся:

– Вот вы чем его взяли!

– Почему мы? – Мамед вновь подливает вина, – он сам хорошо это понимает. Скажи, а ты сможешь меня защитить?

Капитан прищурил глаза:

– Я плаваю двадцать лет, и, как видишь, жив. Но я не слышал, чтобы корсары нападали на такие корабли, как наш. Да, честно сказать, я бы хотел, чтобы они на меня напали! Ха, ха! Я бы посмотрел, что с ними бы стало, – хвастливо закончил он речь.

– Нет, уж этого не надо, – замахал руками Мамед, – лучше без...

– Да не бойся ты, – капитан хлопал его по плечу, – все твое золотишко останется при тебе.

– У меня нет... то есть я не беру его.

– Меня не провести, – капитан махает перед его носом заскорузлым пальцем, – сидел бы ты так! Ха! Ха!

Он вдруг прекратил смех и строго посмотрел на купца:

– Шкипер-то у тебя хорош?

– Хорош! Десять лет плаваем.

– Пусть, – он опять машет пальцем, – не болтает!

«Ласточка» Грозного легко скользила по волнам. Легкий бриз уж какой день носил ее по морю. По пустынному морю. Атаман недоволен. Они так поистратились в последнее время, а он никак не может пополнить свою казну. «Надо идти в Александрию и там все разузнать как следует», – решил он и скомандовал курс.

Его ближайший помощник, прозванный за длинные руки Осьминогом, понял намерение атамана. Оно ему не понравилось. Из всей команды Грозный побаивался только этого Осьминога. Он был головаст, силен, и ему не было равных в сражениях на саблях.

– Ты что, очумел? – с порога заорал Осьминог. – Хочешь нас отдать султанским собакам?

– Не ори, – резанул Грозный, ногой толкая ему скамью, поняв его опасения. – Мы туда не пойдем, – сказал он, с опаской поглядывая на Осьминога, что еще он вытворит, – а пошлем туда Куцего. Он ушлый. Пусть узнает, что и как.

– Это другое дело, – Осьминог хлопнул дверью и возвратился на палубу.

Средь ночи смотрящий заорал:

– Вижу огни!

Атаман приказал убрать паруса и идти на веслах к берегу, тщательно отмечая глубину. Когда дальше плыть было опасно, он приказал спустить на воду двойку и на ней отправить на берег Куцего.

Таверна была набита до отказа. В ней была в основном султанская матросня. Им предстоял дальний поход в Константинополь. Никто не заметил, как туда вошел загорелый средних лет мужик, в неброской, помятой одежде. С трудом найдя свободное место, он терпеливо ожидал, когда его обслужат. От нечего делать он присматривался и прислушивался со скупающим видом к оравшим матросам. Кто орал песни во все горло, кто доказывал свою храбрость, а кто вел разговор и про предстоящий поход.

Еще не успев выпить и кубка, Куцый уже знал, что вскоре купчина Мамед отплывает в Константинополь, а его судно набито дорогими товарами, да и золотишко имеется. Куцему можно было возвращаться назад. Но атаман сказал, что вновь двойка подойдет к берегу только через два дня.

Он ощупал карман. Грозный не поскупился. Его взгляд остановился на пышнотелой негритянке, которая была пока, как показывало ее вызывающее поведение, никем не зафрахтована. Обжигающий взгляд, подкупающая улыбка, и Куцый тут же решил бросить якорь. Девушка была словоохотлива. И через нее он все узнал: и кто сопровождает груз Мамеда, и когда выходят в море.

Грозный поездкой Куцего остался доволен. На другой день, выйдя в открытое море, он положил свой корабль в дрейф и спустился к гребцам. Его появление здесь было для всех настоящим событием, поэтому все замерли, когда он предстал перед ними. Речь его была коротка, но впечатляющая.

– Через несколько дней нам предстоит боевая встреча. У них три корабля, у нас один. Если мы победим, все получите три дня отдыха с вином и закуской. Если нет, будете кормить рыб. Всем понятно?

– Да, – дружно ответили гребцы.

– Что это означает? – Раймунд повернулся к соседу.

– Граф чем-то недоволен? – раздался насмешливый голос Грозного. – Смотри, граф, – он сделал особое ударение на этом слове, – у нас для всех плетъ одна!

– Простите, господин, – довольно громко произнес он, – но я прошу найти возможность сообщить моему отцу, графу Тулузскому, или дяде епископу Море вашу цену и условия выкупа.

Глава 16

Появления Османа Наиму и его людям пришлось ждать долго. А такое ожидание утомляет и расслабляет человека, он самопроизвольно начинает терять бдительность. Вот это-то и случилось с Наимовыми акынжи. Они заснули, как и их предводитель. Им всем повезло, что один из воев встал по малой нужде. Он увидел, что Осман не пошел к коню, а свистнул ему. Тот сорвался с места и прискакал к хозяину. Сделал это Осман из осторожности, заметив чьих-то коней. Бей, несмотря на юный возраст, оказался весьма предусмотрительным человеком. Вой сорвался с места и прибежал к хозяину. Пока он будил товарищей, а те ловили своих лошадей, Осману беспрепятственно удалось оставить позади опасное место. И тем ничего не оставалось, как пуститься за ним вдогонку.

Осман ехал, довольный собой. Ослепленный удачей, он не задумался, чьих коней увидел, где хозяева и для чего они появились в такой глуши. А что люди прибыли, чтобы схватить и расправиться с ним, у него и в мыслях не было. Правда, на первых порах он проявил осторожность, потом, предавшись своей радости, забыл о ней. Но как тут было не радоваться! Еще бы! Он в одиночку взял каракала. Пусть теперь кто попробует сказать, что он еще не воин. Воин! Он представлял, как удивится отец, который сделает очень серьезное лицо и станет его ругать. А глаза, его глаза! Они будут сверкать от счастья, что у него такой сын. И он даст ему право собирать себе акынжи. А он покажет этим беям, которые никак не хотят смириться, что за племя пришло на эти земли.

За этими рассуждениями он не сразу услышал погоню. Когда до его сознания дошел конский топот, он оглянулся и увидел, что к нему приближался во весь опор небольшой отряд. Он сначала подумал, что это отец, прознав про его задумку, послал людей следить за ним. Но, когда пригляделся, понял, что это не так. Там не было ни одного знакомого лица. Он почувствовал опасность. Вверх взвелась опайка, конь рванул вперед, и началась гонка.

Ее-то и увидел Санд. Разумные колебания были отброшены. Взыгравшая совесть русского человека взяла верх. Рыжий мчался с такой скоростью, что могло показаться: он хочет вырваться из-под седока. Санд быстро настиг преследователей. И вот уже четко стала вырисовываться спина одного из них. Щелкнула тугая тетива, засвистела стрела. Широко разбросав руки, всадник валится на землю. Для других гибель его осталась незамеченной. Это позволило без особых проблем отправить за ним и второго. В какой раз ему этот прием помогает одерживать верх. Третий, почувствовав что-то неладное, оглянулся. Но было уже поздно. Сабля сверкнула, и он оказался на земле.

Тыл был очищен. Но осталась еще группа, которая шла наперерез. С криком:

– Держись! Иду на помощь! – Санд обрушился на крайнего всадника.

Обмен яростными ударами показал, что перед ним был неплохой воин. Краем глаза Санд увидел, что юноша, отчаянно отбиваясь, вынужден отступать к краю пропасти. Осман ее не мог видеть, так как она находилась за его спиной, но противник, по всей видимости, и рассчитывал столкнуть его туда. Медлить нельзя! Отбив очередную атаку, Санд ловко, перебросив саблю в левую руку, выхватил нож. Он вошел прямо в горло противника. Но... всего несколько шагов оставалось до того момента, как он вместе с конем полетит в бездну. Рискую оказаться безоружным, Санд вонзил саблю в землю, выхватил лук. Стрела поразила противника. Он спасен!

Но битва не кончилась. Санд почти безоружен, да и юного бойца с опытным воином равнять нельзя. И рано Санд обрадовался, что юноша спасен. Враги быстро оценили обстановку. Один из них ринулся на Санда, другой – на юношу. У Санда все зависело от Рыжего. Конь сделал такой рывок, что нападавший оказался сзади. Это позволило Санду успеть на всем скаку схватить свою саблю. Теперь можно меряться силами. И он встретил сво-

его противника, который мчался на него во весь опор, во всеоружии. Когда Санд взглянул на него, крик удивления вырвался из его груди. Это был... Наим.

И тот узнал своего врага. Кровь ударила в голову: «Опять он на моем пути!» Началась рубка. Но гнев – плохой помощник. Гонимый жаждой мщения этому опостылевшему урусу, он не заметил, как Санд теснил его к пропасти, куда только что один из его подручных хотел сбросить юношу. Конь остушился и, сделав судорожное движение, чтобы задержаться, сбросил своего седока. Это спасло Наима, но от неожиданности он выронил из рук саблю. Они поменялись ролями. Только, в отличие от Санда, у него не стало лошади.

Отчаянный, как мольба, крик юноши заставил Санда обернуться. О Боже! Он оказался безоружным. Опытный воин ловким ударом выбил его саблю, и та, как бы дразня: «Возьми меня скорее», воткнувшись в землю, продолжала раскачиваться.

Тут уж было не до Наима и разборок с ним. Но, чтобы тот никуда не сбежал, он саблей плашмя ударил его по голове и пришпорил Рыжего. Санд видел, как враг медленно поднимает оружие. Он явно наслаждался своим превосходством. Ему доставляло огромное удовольствие смотреть, как юноша в своей беспомощности ожидает его смертельного удара. Лицо Османа стало бледным, подбородок затрясся мелкой дрожью.

Воин приподнялся на стременах. Глаза юноши расширились до предела. Еще мгновение и... смерть. В голове его пронеслось: «Как жаль, что свои не увидят мой трофей». Он хотел крикнуть, но какие-то тиски сжали его горло. Он увидел блеск, из груди вырвалось что-то похожее на стон. О Аллах! Что это? Перед ним на траве, орошая ее кровью, лежала чья-то голова. А туловище его врага медленно валилось с лошади.

Юноша не верил своим глазам и не мог понять случившееся. Готовый принять смерть, он оказался не готовым принять жизнь. Что же случилось? Он как-то трудно возвращался к действительности. Но когда до его сознания дошло, что он жив, не мог удержать слезы счастья, радости. И тут только он увидел своего спасителя. Он спрыгнул с коня и бросился к нему. Санд тоже спрыгнул с Рыжего. Порыв юноши был ему хорошо понятен.

– Брат. Ты мой брат, – затвердил незнакомец, обнимая Санда. – Я обязан тебе жизнью. Я до смерти твой должник.

– Да брось ты. Каждый бы поступил так. Ишь, храбрецы, семеро на одного! – он кивнул на разбросанные тела.

– Нет, ты мой брат. Я – Осман! А ты?

– Я? Я – Андрей. Нет, я – Санд.

– Санд, хочешь быть моим братом?

– А почему нет! Кстати, я у матери один. У меня нет ни братьев, ни сестер.

– Тогда... – Осман достал нож и разрезал свое запястье.

Затем он взял руку Санда и сделал то же самое. А потом свою руку с порезом прижал к руке Санда. Когда он ее отнял, то сказал:

– Мы с тобой теперь кровные братья.

Они обнялись. И долго так стояли, не желая разрывать своих объятий. Им казалось, что кто первым это сделает, тот покажет, что он несерьезно относится к происшедшему. Потом это случилось одновременно, и они рады были этому.

– Что будем делать? – спросил Санд, первым нарушив священную для них тишину.

– Поедем на мое становье, – безапелляционно заявил Осман.

Санд почесал затылок:

– Ян меня заждался.

– Какой Ян? – удивленно спросил Осман.

Трудно было понять, чему тот удивился. Скорее всего, такому необычному имени.

– Да мы вместе с ним пасем бейское стадо.

– Какого бея? – продолжал допрос Осман.

– Умур-бея, – не без вызова ответил тот.

– Это же не его земли! – удивился Осман. – Так вы здесь пасли?

– Нет, – махнул рукой Санд, – я сюда приехал поискать свободную землю, чтобы перегнать стадо.

Осман рассмеялся:

– Земли, где можно пасти стада, не пустуют. Это знает каждый. Так кто ты будешь у своего бея?

– Я? – с грудной болью сказал Санд. – Раб.

– Раб? – Осман посмотрел на Санда.

Тот в подтверждение кивнул головой.

– Ты больше не раб, – торжественным голосом произнес Осман, – мой кровный брат не может быть рабом.

– А ты кто? – в свою очередь спросил Санд, недоверчиво глядя на него.

– Я? Я – бей.

– Бей? – удивленно произносит Санд, отступая на несколько шагов и разглядывая его, точно только встретил.

– Да, – не без гордости произнес он и добавил: – я сын бея Эртогрула. Слышал такого? Санд рассмеялся.

– Слышал, и не раз. Знаю и бея Узун-Хасана.

– Поедем ко мне, и ты будешь жить теперь у меня. Едем, – и направился к коню.

Но вдруг остановился и стал медленно вытаскивать из ножен саблю. В поле его зрения попался Наим, который притаился и молил про себя Аллаха о спасении. Санд понял намерение Османа и подскочил к нему.

– Брат, – сказал он, – хватит на сегодня этих, – и он провел глазами по разбросанным трупам. – Пусть он бежит отсюда и знает, как нападать на нас.

– Хорошо, брат, – ответил Осман, возвращая саблю на место. – А ты, собака, – он подошел к Наиму и взял его за волосы, – падай в ноги моему брату. Если бы не он, я бы сейчас отрубил твою дурацкую башку.

– Благодарю тебя, мой господин, – залепетал Наим, неоднократно кланяясь в сторону Санда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.